

СОТ РЕФОРМАСЫ
ЖАЙЫНДА ЖАЗБА

Чокан Валиханов

Чокан Валиханов

Чокан Валиханов

Чокан Валиханов

ЗАПИСКА
О СУДЕБНОЙ
РЕФОРМЕ

*Жемчужины истории политической
и правовой мысли*

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

ЗАПИСКА
О СУДЕБНОЙ
РЕФОРМЕ

(Издание третье)

*Вступительная статья и примечания
доктора юридических наук, профессора
С.Ф. Ударцева*

АЛМАТЫ
«ЖЕТИ ЖАРҒЫ»
2025

УДК 34.01 (574)
ББК 67.4 (5Қаз)
У29

Автор идеи проекта и названия книжной серии, подготовка текстов (1997–1998 гг.), вступит. ст., примеч. и сост. книг для первого и второго изданий – С.Ф.Ударцев

Валиханов Чокан

У29 Записка о судебной реформе / Вступит. ст. и примеч. – С.Ф. Ударцев. – Изд. 3-е, испр. и доп. – Алматы: Жеті Жарғы, 2025. – 124 с.: ил. (Серия: Жемчужины истории политической и правовой мысли).
ISBN 978-601-288-180-6

В книге содержится одно из важнейших произведений выдающегося казахского ученого и мыслителя Ч. Валиханова (1835–1865) – «Записка о судебной реформе», посвященное общим проблемам исторического развития, вопросам обычного права и суда в казахском обществе, необходимости учета национальных особенностей и исторических условий при проведении реформ в период трансформации традиционного казахского общества. Во вступительной статье дан краткий очерк деятельности и политико-правовых взглядов выдающегося казахского просветителя и демократа XIX в., явившегося одним из предшественников национальных демократических идей начала XX в. Примечания содержат дополнительную информацию об авторе произведения, его эпохе и содержании «Записки».

Книга издается к 190-летию со дня рождения мыслителя и ученого.

Для студентов, магистрантов и аспирантов юридических, исторических, иных гуманитарных специальностей и всех интересующихся вопросами истории политической и правовой мысли.

УДК 34.01 (574)
ББК 67.4 (5Қаз)

ISBN 978-601-288-180-6

© ВШП «Әділет», 1999
© С.Ф. Ударцев, доп. и исправл., 2004, 2025
© ТОО «Жеті Жарғы», доп. и исправл., 2004, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Политические и правовые взгляды Чокана Валиханова	5
Чокан Валиханов ЗАПИСКА О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ	38
Примечания	91

Нет никакого сомнения, что тот закон хорош для народа, который более ему известен, закон родной, под которым человек вырос и воспитывался, как бы закон этот ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее и яснее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху.

Чокан Валиханов

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Чокан¹ Валиханов (1835–1865) – выдающийся казахский просветитель-демократ, ученый-востоковед, мыслитель и общественный деятель, оставивший заметный след в истории политических и правовых учений. Валиханов, пожалуй, наиболее крупная фигура в истории политико-правовой мысли Казахстана второй половины XIX в., мыслитель, творчество которого явилось одним из истоков политико-правовых идей начала XX в. в Казахстане. В XX в. жизнь и творчество Чокана Валиханова изучались и переосмысливались из поколения в поколение. Это – одна из тем, в которых общественное сознание ищет ответы на вопросы, поставленные временем, а народ пытается познать самого себя, переосмыслить духовное наследие, как бы сверить курс движения в будущее, который выбирает каждое новое поколение².

Ч. Валиханов происходил из старинного султанского рода. Отец его – старший султан одного из округов Среднего жуза, полковник Чингиз Валиханов – был сыном последнего хана Среднего жуза Вали и внуком знаменитого хана

Аблая. Чингиз окончил Омское войсковое училище. В середине 1860-х гг. царские следователи занимались вопросом о причастности султана, полковника Чингиза Валиханова к раскрытому тогда «Обществу сибирских патриотов», в котором развивались идеи федерализма. В Омском областном архиве хранится дело «О противоправительственных мыслях, высказанных султаном Чингисом Валихановым»³.

Важную роль в семье играла бабушка Чокана по отцу (мать отца) – вдова хана Вали Айганым. Известно, что она знала несколько восточных языков, стремилась укрепить дружеские отношения казахов и русских⁴, пользовалась большим авторитетом среди казахского населения.

Образование Ч. Валиханов получил в частной казахской школе, затем – в Омском кадетском корпусе, после окончания которого служил в Омске адъютантом генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорда. Эта служба способствовала знакомству и общению с талантливыми и прогрессивными офицерами, служившими при генерал-губернаторах Западной и Восточной Сибири (в Омске и Иркутске), омской интеллигенцией, а также видными ссыльными – деятелями российского освободительного движения, отбывавшими в этот период ссылку. В 1850-х гг. судьба сводила Валиханова с такими людьми, как ссыльный писатель Ф. М. Достоевский (ставший его другом), ссыль-

ный деятель европейского революционного движения М. А. Бакунин (сыгравший решающую роль в жизни близкого друга Чокана – Г. Н. Потанина⁵), видный ученый и путешественник П. П. Семенов-Тянь-Шанский (всячески способствовавший научным исследованиям Ч. Валиханова и рекомендовавший его в члены Русского географического общества) и др.

Чокан Валиханов – один из признанных первооткрывателей для мировой географической науки Тянь-Шаня и Восточного Туркестана. Он исследовал Центральный Казахстан и Семиречье (1855–1857 гг.), участвовал в военно-научных экспедициях в бассейн Иссык-Куля (1856 и 1857 гг.), в Кульджу (1856 г.). Ученый стоял у истоков записи и исследования монументального киргизского эпоса «Манас». В 1858–1859 гг. он совершил поездку в Восточный Туркестан (современный Западный Китай), где собрал ценный научный материал не только о политическом строе, но и об истории, культуре, этнографии региона. Результаты его научной деятельности и наблюдений в Восточном Туркестане подытожены в крупном произведении – «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нан-Лу (Малой Бухарии)». Это комплексное исследование многих сторон жизни части Китая, о которой в то время почти ничего не было известно, имело значительный резонанс в научном мире. Некоторые произведения Валиха-

нова еще при жизни были переведены и изданы в Германии и Англии. Его исследования нашли отражение в обобщающей научные достижения XIX в. монументальной географии планеты французского ученого Элизе Реклю⁶.

В Рукописном отделе Пушкинского дома сохранилось любопытное письмо Николая Ильминского Отто Реригу от 1863 г. Зарубежному корреспонденту сообщалось, что «иногда мир не подозревает у нас материалов действительно существующих потому, что наша литература за границей неизвестна» и что некоторые вопросы, по которым на западе ведутся споры, уже разработаны в России. Ильминский рекомендовал обратить внимание на работы Ч. Валиханова: «Укажу Вам еще ученого, весьма интересного тем, что он природный киргиз; он совершил ученое путешествие в Кашгар. Его замечательные статьи печатаются в Записках Географического общества... Он член этого Общества. Это – султан Чокан Валиханов»⁷.

Кстати, исследователи творчества Валиханова справедливо отмечают, что в произведении о Восточном Туркестане и в других его сочинениях можно заметить некоторые намеки, параллели в духе давней просветительской и демократической традиции замаскированной критики порядков и политики России под видом критики Китая⁸. Эта литературная традиция, берущая начало от французских просветителей XVIII в., использовалась,

например, В. Г. Белинским в 1840-х гг., а также М. А. Бакуниним в его статьях периода сибирской ссылки.

В 1859–1861 гг. Валиханов жил и работал в Петербурге. Здесь он знакомится и встречается с рядом видных ученых, писателей, общественных деятелей (в частности, с Н. Г. Чернышевским)⁹. В литературе исходя из косвенных свидетельств, в частности воспоминаний А. Врангеля, писавшего, что он встречал Валиханова в Париже, высказано предположение о том, что в конце 1860 г. Валиханов, возможно, нелегально, совершил поездку в Париж¹⁰ и в этом случае мог встретиться с некоторыми видными деятелями российского освободительного движения, находившимися в эмиграции. Во всяком случае, в письме родителям из Петербурга от 4 ноября 1860 г. Валиханов писал: «Бог даст, через месяц выеду из Петербурга в Париж. Для чего занял деньги у одного человека, боюсь, что Ваш перевод не застанет меня в Петербурге. Теперь по получении настоящего письма переведите мне тысячу рублей, предназначенную Вами мне на годовое содержание. Говорят, за границей несостоятельного должника, будь он хотя бы архизнаменитостью, даже генералиссимусом, сажают в долговую тюрьму. Считаюсь с Вашим положением, прошу лишь одну тысячу рублей сверх положенной. Если буду жить как нищий, то этих денег хватит на пропитание»¹¹. Версия о заграничной поездке до настоящего времени

не опровергнута и не подтверждена достоверными фактами. Одним из аргументов против поездки Ч. Валиханова считается то, что не зафиксировано его появление в Лондоне, куда в среде либеральной интеллигенции было принято заезжать при путешествиях в Европу для встречи с Герценом¹². Однако и здесь могут быть неожиданные находки. Например, венгерский исследователь Миклош Кун обнаружил в дневнике венгерского эмигранта Дюлы Танарки запись от 16 декабря 1860 г. о том, что при посещении Герцена Танарки встретил у него трех людей из России, которых хозяин счел нужным не представлять своему венгерскому знакомому. Один из посетителей, как понял Д. Танарки, – врач, лет десять прожил в Пекине¹³. Кто были двое других неизвестных? По каким конспиративным соображениям Герцен скрыл их имена?

В целом следует заметить, что в литературе политико-правовые взгляды мыслителя иногда чрезмерно революционизировались. Элементы революционно-демократических взглядов на самом деле сочетались у него с сильным реформистским либерально-демократическим ядром воззрений. Об этом свидетельствуют и значительная часть знакомств мыслителя, его письма из Казахстана после возвращения из Петербурга, поздние письма друзьям и коллегам по службе, практическая деятельность, признание им закономерности революции, но отказ от ее идеализации, понимание, что рево-

люция – взрыв накопившейся социальной энергии, которой чрезмерно консервативная и реакционная политико-правовая система не дает иного пути реализации. Это подтверждает и его стремление поддержать плавное эволюционное, хотя и ускоренное развитие Казахстана с помощью тщательно продуманных реформ.

Либерализм Валиханова отмечали и его близкие друзья. Так, Г. Н. Потанин замечал, что «по политическим взглядам он (Ч. Валиханов. – С. У.) принадлежал к крайним либералам»¹⁴. Каждое поколение имеет адекватные его задачам пределы возможных действий и форм сознания. В этом смысле либерализм в XIX–начале XX в. обладал мощным творческим потенциалом. О будущей эволюции Ч. Валиханова, прожившего всего 30 лет, можно только высказывать предположения. Кстати, одна из гипотез могла быть связана с возможной параллельностью эволюции его воззрений со взглядами одного из его ближайших друзей – Г. Н. Потанина, который примкнул в период гражданской войны к «белому движению». В июле 1917 г. на Всеказахском съезде в Оренбурге Потанин был избран кандидатом в учредительное собрание от Семипалатинской области. Он шел в списке кандидатов под № 1, а под № 2 значился Алихан Букейханов¹⁵.

Либерально-демократические настроения Ч. Валиханова проявились и в его намерении стать султаном-правителем Атбасарского округа. О неосу-

счастливишихся надеждах он писал Ф. М. Достоевскому: «Я думал как-то сделаться султаном, чтобы посвятить себя [работе на] пользу соотечественников, защищать их от чиновников и от деспотизма богатых киргизов. При этом я думал более всего о том, чтобы примером своим показать землякам, как может быть для них полезен образованный султан-правитель. Они увидели бы, что человек истинно образованный – не то, что русский чиновник, по действиям которого они составили свое мнение о русском воспитании. С этой целью я согласился быть выбранным в старшие султаны Атбасарского округа, но выбор не обошелся без разных чиновничьих штук»¹⁶.

Резко критическое отношение Ч. Валиханова к чиновничьему произволу и злоупотреблениям прослеживается и в работах мыслителя о Западном Китае, его политическом строе, царящих там порядках. Описывая положение местного правителя (фактически генерал-губернатора в Западном Китае), он замечал, что «здешний цзян-цзунь... пьет и ест за счет народа. Мясники доставляют каждый день мясо, портные шьют платье, каменщики поправляют дом. Поборы и злоупотребления превосходят границы. Что же касается до взяточничества, то китайцы не уступают в этом и самому персидскому шаху»¹⁷.

Наиболее активные в творческом отношении годы краткой жизни Ч. Валиханова – этого яркого

метеора казахской науки и культуры, пришлось на конец 1850-х– начало 1860-х гг. и совпали с периодом активной реформаторской деятельности Александра II и его либерального окружения. Эпоха Николая I, преследования декабристов, жестокая цензура – все, казалось, уходило в прошлое. Дух реформ, социального раскрепощения и просвещения народа вдохновлял в этот период и Валиханова. Он не только был носителем и распространителем реформаторских и просветительских идей, но и своей практической деятельностью способствовал подготовке и проведению многоплановых реформ.

Валиханов был противником деспотизма, симпатизировал республиканскому строю, но не исключал и возможности прогрессивной просвещенной конституционной монархии. Был знаком он и с достаточно широко распространенными в освободительном движении федеративными идеями¹⁸, которые, судя по всему, разделял.

Одним из наиболее выдающихся произведений Ч. Валиханова, посвященных политико-правовой тематике, является «Записка о судебной реформе», опубликованная посмертно. Записка была написана в период подготовки и проведения судебной реформы 1864 г. в России. Закончена она Валихановым 28 февраля 1864 г. в Омске. Эта работа была найдена в омском архиве и направлена Г. А. Колпаковским в конце 1880-х гг. Г. Н. Потанину как «не лишенная интереса и в настоящее время». Публикуемая ниже

эта работа во многих отношениях представляет интерес и в XXI в.

В период подготовки судебной реформы проблема организации судебной власти вызвала живой интерес в российской периодической печати. Обсуждались вопросы о том, какие принципы должны быть положены в ее основу, каким образцам необходимо следовать и что подлежит реформированию в первую очередь. Первым начал это обсуждение «Морской сборник», затем активно подключился «Русский вестник». В журнале «Современник» в 1859 г. была опубликована обстоятельная статья М. А. Филиппова «Взгляд на русское судоупстройство и судопроизводство». Во многих газетах и журналах обсуждались и специальные юридические вопросы реформирования судебной системы России, особенно вопросы о суде присяжных и адвокатуре. Министерство юстиции подготовило и опубликовало специальный обзор печати по вопросам судебной реформы¹⁹.

Подготовка судебной реформы активно велась с конца 1850-х гг. и к 1864 г. вступила в завершающую стадию. Императору предстояло решить, как, в каком порядке осуществлять эту реформу, непосредственно связанную с реализацией нового уровня прав и свобод, на который постепенно выходило общество. В сентябре 1864 г. Александру II были поданы записки председателя Государственного совета князя П. П. Гагарина и министра юстиции

Д. Н. Замятина. Гагарин отражал настроения тех общественных групп, которые опасались введения демократических преобразований в судопроизводство, стремились если не отказаться от них полностью, то по крайней мере предельно затянуть их реализацию и исключить наиболее демократические черты в организации суда и адвокатуры. Замятин как представитель либерально-демократического дворянства, чиновников и интеллигенции настаивал на возможно более быстром и решительном проведении преобразований. Император высказался за постепенность проведения реформы и 19 октября 1865 г. утвердил «Положение о введении в действие судебных уставов». Реформа официально была завершена лишь в 1899 г., хотя к этому времени организация судопроизводства претерпела несколько разнонаправленных волн реформирования и контрреформирования отдельных судебных институтов²⁰.

Ч. Валиханов в вопросах проведения судебной реформы занимал самостоятельную позицию. При всем его либерализме и демократизме, при согласии применительно к значительной части территории России с основными идеями реформы, отстаиваемыми представителями либерально-демократических кругов, основное внимание он уделял необходимости учета национальной специфики в ходе проведения реформ. При этом стремился по возможности скорректировать в це-

Отец Ч.Ч. Валиханова,
старший султан полковник, Чингиз Валиханов

Султан Большой орды Мамырхан Рустемов.
Карындаш. 1856 г.
Рис. Ч.Ч. Валиханова

Верховный манап племени бугу – Буранбай.
Карындаш. 1856 г.
Рис. Ч.Ч. Валиханова

Казыбек би
(1667–1764 гг.)

Айтеке би
(1682–1766 гг.)

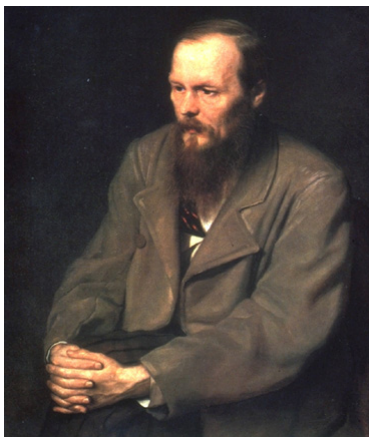
Толе би
(1663–1756 гг.)

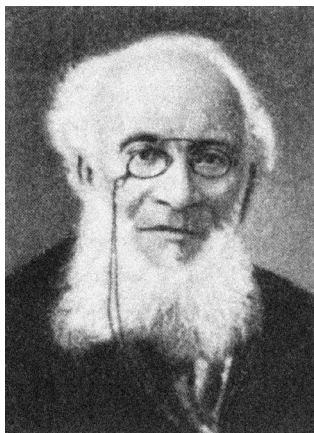
Император Александр II

Памятная монета 1 1/2 рубля
по случаю десятилетия царствования Николая I
(1835–1836)²¹

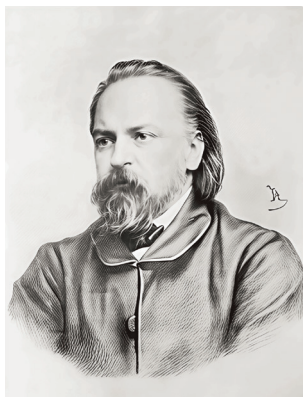
В.Г. Перов. Портрет Ф.М. Достоевского. 1872 г.
Москва. Третьяковская галерея

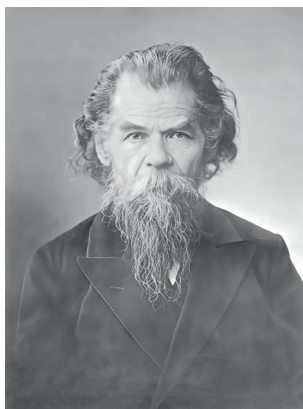
П.П. Семенов-Тян-Шанский

Н.В. Соколов

А.И. Герцен

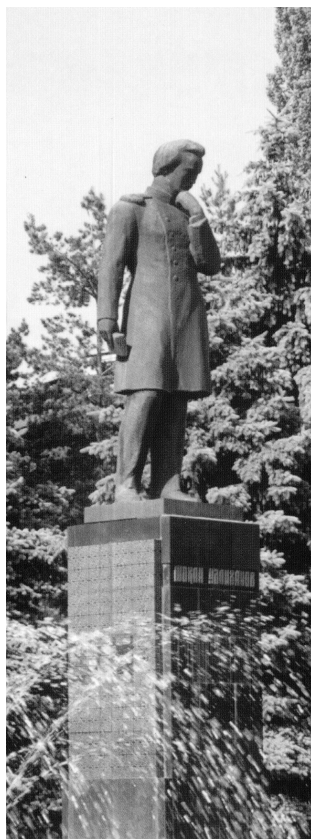
Г.Н. Потанин

М.А. Бакунин

Н.Г. Чернышевский

Алматы. Памятник Ч.Ч. Валиханову.
Скульптор Х.И. Наурызбаев,
архитектор Ш.Е. Валиханов.
Установлен в 1969 г.

лом прогрессивные реформы с учетом хорошо ему известных традиций, обычаев, условий жизни казахского народа. Для него главный приоритет – не интересы какой-то социальной группы, сословия, а интересы всей нации. «...Интересы целой нации, – писал он, – по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия»²². В этом смысле Ч. Валиханов – один из предшественников национально-освободительных идей начала XX в. в Казахстане, в том числе общего подхода к историческому политико-правовому развитию, к отстаиванию национальных интересов просветителями и видными идеологами национальной либерально-демократической партии «Алаш». Не случайно в национальной газете «Казах», в которой активное участие принимал А. Букейханов, в 1914 г. в ряде номеров (№ 71, 73, 76, 77) печатались материалы о Ч. Валиханове, а он трактовался как предшественник формирующегося идейного течения, позднее, в 1917 г., выкристаллизовавшегося в партию «Алаш»²³. Идеям Ч. Валиханова о значении суда биев, его близости народу были созвучны и мысли Ахмета Байтурсынова, изложенные в газете «Казах» в статье «Еще раз о народном суде»²⁴.

Передовые мыслители Казахстана второй половины XIX – первой трети XX вв. объективно, в первую очередь, в разных условиях, по-своему осмысливали и решали историческую сверхзадачу – максимального и всестороннего содействия обес-

печению оптимального и безопасного перехода казахского народа от традиционного к нетрадиционному обществу, адаптации его к новой ступени исторического развития. Для решения этой сверхзадачи эпохи создавали условия и просветительская, и народническая идеология в Казахстане во второй половине XIX – начале XX вв., и сложная по составу, с элементами национальной, либеральной и социалистической мысли идеология партии «Алаш» и ее лидеров в первой трети XX в. В этом смысле многие идеи Ч. Валиханова и идеи лидеров партии «Алаш» были подчинены решению глобальных, судьбоносных для народа исторических задач, связанных прежде всего с социально-экономической и культурной эволюцией народа и общества (одни осмысливали это еще на дальних подступах, другие – в ходе практического развития этих процессов). Определенный здравый консерватизм Ч. Валиханова и лидеров «Алаш» был формой предупреждения возможных негативных последствий неразумного произвола в политике и политической практике сначала царизма, затем советской бюрократии на крутых поворотах эволюции казахского общества и в этом смысле был оправдан. Весьма показательна и идейная эволюция близкого друга Ч. Валиханова Г. Н. Потанина, близкого в 1917 г. и позже к партии «Алаш».

Одной из главных целей исторического развития Ч. Валиханов признавал рост материального

благополучия всех членов общества. Этому прежде всего служат экономические и социальные реформы. Политические и правовые реформы, считал он, должны обеспечить осуществление экономических преобразований. При этом необходимо учитывать опыт народа, его обычаи, культуру. «Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, – писал Ч. Валиханов, – необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособлена к национальному характеру того общества, для пользы которого она предпринята. Всякое нововведение вне этих условий может быть безусловно вредно и как явление аномальное может порождать только одни неизлечимые общественные болезни и аномалии»²⁵.

Человечество, его представления о мире и обществе, да и сами окружающие человека мир и общество изменяются, развиваются, являются весьма подвижными, а знания о них – относительными. Поэтому, полагал Валиханов, следует постоянно уточнять, корректировать представления о полезности или вреде тех или иных реформ в тех или иных условиях. То, что может быть полезно в определенное время, для конкретного этапа развития народа и условий его жизни, в других условиях, в иное время, для других народов может оказаться не столь полезным или даже вредным. Как отказ от проведения реформ, препятствование прогрессивному развитию, так и насильственные реформы, не

учитывающие естественное стихийное развитие народа, по Валиханову, могут привести к отрицательным последствиям, к возмущению народа. «Все революции, бывшие в Европе с 1793 года, – писал он, – происходили единственно от стремления правительства подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие»²⁶. В связи с этим мыслитель в определенной мере критически относился и к реформам Петра I.

Касаясь глобальных геополитических процессов, Валиханов признавал единство исторических судеб Казахстана и России, прогрессивность влияния российской и западноевропейской культуры. Поддерживая вхождение Казахстана в состав России как в целом прогрессивное явление, Валиханов осуждал насильственные формы присоединения, предлагая максимально использовать мирные переговоры. При этом мыслитель отмечал миролюбие казахского народа, стремление его жить в мире с соседними народами и странами. В «Записке о судебной реформе» он называл казахский народ «принадлежащим к числу наиболее миролюбивых» в России²⁷.

Критикуя феодально-патриархальные порядки в степи, он критически относился и к дореформенным порядкам в России, осуждал злоупотребления

реакционных царских чиновников, в том числе из колониальной администрации. Горечь от этого сквозит и в некоторых его письмах друзьям. «А с инородцами в Сибири, – писал он А. Н. Майкову 6 декабря 1862 г., – делают что хотят, только разве собаками не травят»²⁸. Тем не менее человек широких, поистине евразийских взглядов, Валиханов был патриотом и Казахстана, и России. Он говорил, что любит прежде всего Казахстан, затем – Сибирь, после этого – Россию и, наконец, весь мир, все человечество. В другом случае он писал, что казахи как потомки «батыевых татар» связаны с русскими историческим и даже кровным родством.

Мыслитель разделял идею о циклах исторического развития и признавал, что существует сходство в формах жизни на низших и высших ступенях эволюции общества. На ранних стадиях развития спонтанная самоорганизация общества создает естественные формы жизни. В последующем – на высоких ступенях эволюции – исторический опыт и познание мира приводят человечество к разумному постижению истинности стихийно сложившихся в прошлом первооснов жизни, хотя и в новых, измененных формах, в ином контексте. В этом смысле Валиханов писал о Казахстане: «... формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития»²⁹. Сходные

идеи, используя философию Гегеля, развивали также такие его современники, как А. И. Герцен, М. А. Бакунин, Н. Г. Чернышевский. Подобные идеи, обосновывающие возможность неравномерного и скачкообразного исторического развития народов, перехода от одних форм жизни к иным, минуя этапы, пройденные другими народами, были типичны для прогрессивных течений политико-правовой мысли в развивающихся странах и в XX в.

Для Валиханова высшей ценностью, пожалуй, было процветание и естественное поступательное движение казахского народа по пути развития мировой цивилизации, прогресса, на основе его самоорганизации, исходя из внутренних потребностей, сил и возможностей, с учетом, разумеется, опыта других стран и народов. Для духовного становления и развития народа, по Валиханову, необходимы его «саморазвитие, самозащитное, самоуправление и самосуд». Просветитель-демократ считал необходимым разбудить сознание народа, его творческие силы, созидательную энергию нации. Принцип «самозащитного», видимо, понимался им не только в военном, но и в более широком плане – в политическом, правовом, культурном. По существу, Валиханов в суждениях о принципах самоорганизации народа близок к идее народного (национального) суверенитета. Ожидая от судебной и иных реформ введения управления «более рационального

и на началах самоуправления» вместо «сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса»³⁰, мыслитель был далек от идеализации реформ, прекрасно понимая, что «стараниями» многочисленных чиновников бюрократической машины, нередко ставящих выше всего личные интересы или отвлеченные идеалы, действительно прогрессивные и прагматичные идеи и проекты могут неизменно измениться в ходе их реализации в жизнь. «От незнания общественных нужд, – писал он, – и от излишней ревности к гуманным теориям очень часто вводятся у нас нововведения и реформы, совершенно ненужные в данный момент и при известном положении дел»³¹. Вопросы о реформах, отмечал Валиханов, требуют особой осторожности, поскольку имеют важное значение для жизни народа и так как от них зависит, говоря словами Шекспира, народное «быть или не быть»³². Как мыслитель-реалист и гуманист Валиханов отстаивал идеи учета национальных особенностей и сохранения специфических форм управления не только для Казахстана, но и для казахского народа.

Работая в комиссии, изучавшей в 1863 г. мнение казахского народа о проекте судебной реформы, Валиханов пришел к выводу, что народ в основном за сохранение суда биев и желательно без его имперского огосударствления. «Из этого сравнения

киргизского суда биев с судом мировым очевидно, – писал Ч. Валиханов, – что мировой суд, несмотря на большую разницу в частностях, в общей идее и по практической цели своей имеет много общего с судом биев у киргиз, только мировой суд изобилует большими формальностями и имеет более бюрократических атрибутов. По нашему мнению, суд биев – и [это] не удивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим, имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз. Мы бы сказали абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении»³³. Для критики мирового суда, которым предполагалось заменить суд биев, Валиханов использовал и авторитет известных английских, французских и немецких юристов, отмечавших недостатки британского мирового суда.

Важную нравственную неформальную, хотя и несколько изменившуюся роль биев и суда биев в казахском обществе констатировали и другие исследования 1860-х гг., проводившиеся в Казахстане. Так, подполковник генерального штаба Красовский, автор трехтомного исследования «Область сибирских киргизов» (Спб., 1868), ставшего в настоящее время большой библиографической редкостью, отмечал: «По уважению киргизов к родовому началу, звание биев стало переходить к их

потомкам, так же как султанское, но разница между этими двумя званиями, с уничтожением ханского достоинства, сделалась громадною. Понятие султана не имело более для киргизов никакого смысла, а к родовому бию стекались на суд жители самых отдаленных аулов, и почетное звание это возымело в глазах народа еще большее значение, когда народу пришлось столкнуться с чуждыми ему порядками»³⁴.

Общий подход Валиханова к исследованию права, в частности к обычному праву казахов в «Записке о судебной реформе» (1864 г.), во многом близок к исходным идеям исторической школы права, получившей развитие в первой половине XIX в. в Германии, а также идеям «Духа законов» Ш. Л. Монтескье, отмечавшего многоплановую связь законов с условиями жизни народа, обусловленность их множеством различных факторов. Методологически Валиханову близки и идеи Д. С. Милля о бесконечном и взаимопроникающем влиянии социальных явлений. «Происхождение всех общественных явлений, – писал Д. С. Милль, – представляет собой одно огромное «смешение законов». Мы никогда не сможем ни понять (в теории), ни направить (на практике) жизнь общества в каком-либо одном отношении, не принимая во внимание его жизни во всех других отношениях. Нет ни одного общественного явления, которое не испытывало бы большего

или меньшего влияния со стороны всякого другого факта жизни того же общества, а следовательно и со стороны всякой причины, которая влияет на всякое другое из явлений этого общества»³⁵. Валиханов также признавал необходимость соответствия законодательства, его реформирования множеству факторов и прежде всего условиям жизни людей, их воспитанию, сознанию. Закон только тогда «хорош для народа», полагал Валиханов, когда он ему известен и соответствует условиям его жизни. «Родной закон» для народа лучше и эффективнее, чем мудрое, но чуждое ему законодательство. Право, по Валиханову, должно произрастать из глубин народной жизни и не быть «взятым извне или навязанным сверху»³⁶.

Ученый писал о таких «гуманных сторонах» казахского обычного права, отличавших его от многих национальных систем законодательства, как отсутствие телесных наказаний³⁷, обычаи родовой взаимопомощи (например, для потерпевших от барымты, падежа скота) и т. д. Отмечал он и «теневые стороны» в обычном праве, связанные с предрассудками, невежеством (например, в сфере семейного права обычай отдавать дочерей замуж слишком рано, порой принудительно, в уголовном праве выкуп за убийство и некоторые другие).

Ч. Валиханов обращал внимание на механизмы саморегуляции общественной жизни, получившие

широкое развитие в Казахстане и основанные на обычном праве. В частности, ученый был «одним из немногих авторов, давших научную интерпретацию барымты как исстари существовавшему институту у кочевых скотоводческих народов и выражавшемуся в правомерном (легальном) средстве обеспечения решения суда биев или иной не удовлетворенной законной претензии самими потерпевшими»³⁸.

Некоторые из вопросов, затронутых в «Записке о судебной реформе» несут отпечаток своего времени, отражают критические воззрения мыслителя, находящиеся в процессе становления и эволюции. Очевидно, что такие его суждения следует рассматривать с учетом и других его работ по той же тематике. Однако его анализ суда биев и размышления о нем несомненно имеют большую самостоятельную историческую ценность.

В вопросах судебной реформы Валиханов выступил в определенной мере консерватором в хорошем смысле этого слова. Объективно это было стремление сохранить, защитить, уберечь от разрушительных изменений традиционные политико-правовые формы, связанные с глубинными основами культуры народа, его правосознания, даже вопреки модным идеям века. В этом проявлялись одновременно романтизм, гуманизм и здоровый консерватизм мыслителя, твердо знавшего, что

может оказаться опасным для его народа. Субъективно он воспринимал свою позицию как средство обеспечения выхода нации на высшие рубежи исторического развития с помощью удержания и развития традиционных форм жизни. В целом его консерватизм был ближе к разумным и естественным основам жизни казахского общества, чем крайний революционаризм и безоглядное бюрократическое псевдопрогрессивное реформаторство. И то, и другое без соблюдения меры и осторожности в реформировании казахского общества могло привести к отрицательным результатам.

По мнению Валиханова, народная форма судопроизводства – суд биев и спонтанная народная форма права – обычное право являются формами правовой реальности, которые нельзя недооценивать и тем более механически разрушать. Они – естественные элементы народной жизни, имеют живую связь с обычаями, нравственностью, верой и бытом народа, лишены бюрократических и формалистических недостатков государственного суда и законодательства. Сохранение, хотя и в реформированном виде, суда биев (народного суда) в Казахстане по реформе 1867–1868 гг. (уже после смерти мыслителя) подтвердило реализм предложений Валиханова.

Суждения Ч. Валиханова о судебной реформе, содержащиеся в «Записке о судебной реформе», –

еще и частный случай более общего исторического предупреждения мыслителя о недопустимости произвольного реформирования жизни и быта народа, имеющего свой ритм исторического развития, не учитывать который вредно и опасно. К сожалению, эти опасения мыслителя в полной мере подтвердились в XX в., особенно в период принудительной коллективизации и перевода к оседлости, которые привели к гибели множества людей от голода...

Размышления Валиханова о необходимости учета естественных начал народной жизни, традиций, о несводимости права к законодательству, о значении суда биев и обычного права для Казахстана, о самоорганизации, саморегуляции народной жизни, остаются во многом актуальными и в период современной правовой реформы в республике.

С. Ф. Ударцев

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ

ЗАПИСКА
О СУДЕБНОЙ
РЕФОРМЕ³⁹

1864

В последнее время правительство наше деятельно занялось преобразованиями в нашей администрации, в судеустройстве и обратило особенное внимание на народное образование.

Некоторые из этих реформ коснулись и нашей степи, как, например, реформа судебная. Преобразования в судебной части, вероятно, поведут к изменению прежнего административного строя нашей области⁴⁰, и нет сомнения, что вместо сложного, обременительного как для русского правительства, так и для киргизского народа бюрократического хаоса будет образовано в округах управление более рациональное и на началах самоуправления, которое принято теперь и для русских сельских и городских общин.

Ввиду таких важных преобразований, готовящихся для моей родины, я считаю долгом представить (благоусмотрению Вашего высокопревосходительства, как главному начальнику киргизского народа) некоторые мои соображения и заметки (относительно судебной административной реформы и отчасти касательно народного образования).

Россия в числе сыновей своих имеет немало народностей иноверческих и инородческих, которые ведут образ жизни, диаметрально противополож-

ный образу жизни коренного русского населения, имеют нравы и обычаи, диаметрально противоположные нравам и обычаям русских славянского племени. Понятно, что преобразования, проектированные для христианского и оседлого русского населения, по вышеизложенным причинам, не принесут никакой пользы и будут бессмысленны, если будут всецело применены к кочевым и бродячим инородцам Европейской и Азиатской России.

Вероятно, вследствие этих соображений и был командирован советник областного правления Яценко⁴¹ для отобрания от сведущих в законах и судебных обычаях биев и султанов их мнений относительно предполагаемых для области преобразований по судебной части.

Но мнение народа, особенно народа невежественного и полудикого, не всегда может быть принято как выражение действительной народной потребности. На мнение же привилегированных классов общества следует смотреть не иначе, как на отрицательное выражение истинных народных нужд, ибо интересы знатных и богатых людей, даже в обществах высокоцивилизованных, бывают большею частью враждебны интересам массы, большинства. Народ груб и туп и вследствие этого пассивен, потому мотив и направление народных мнений зависит от тысячи случайных обстоятельств и от обстоятельств, по-видимому, мелких, ничтожных.

Человек дикий и неразвитый подобен ребенку, не умеющему вполне владеть своими внешними чувствами. Ему, как и ребенку, трудно согласовать ощущения свои с действиями. Хотя стремление к улучшению внутренних и внешних условий жизни и присуще человеку и было ему присуще во все века и во всех степенях человеческого развития, но, тем не менее, цель эта редко им достигалась. Не понимая самого себя и не имея никаких положительных сведений об окружающей его природе, человек-дитя должен был в стремлении своем к улучшению идти ощупью, подобно слепому, и понятно, что он должен был больше ошибаться, принимая ложь за истину, вред за пользу. История представляет нам в этом отношении много поучительнейших примеров.

Посему нет вопроса общественного, который был бы так всемогуще важен, как вопрос о народных реформах. Нет сомнения, что все законодатели и реформаторы имели и имеют в виду общественную пользу, но понятия о том, что полезно и что вредно для общественного развития в разные века были различные и теперь между нами ходит много диких гипотез, которые по рутине и по привычке к прошлым преданиям принимаются многими на веру как непреложные аксиомы, хотя науки ясно доказали их ошибочность. В наше время самым важным и близким для народа считаются реформы экономические и социальные, пря-

мо касающиеся насущных нужд народа, а реформы политические допускаются как средства для проведения нужных экономических форм, ибо каждый человек отдельно и все человечество коллективно стремится в развитии своем к одной конечной цели – к улучшению своего материального благосостояния, и в этом заключается так называемый прогресс. С этой точки зрения полезны только те реформы, которые способствуют улучшению быта человека, и вредны те, которые почему-либо мешают достижению этой цели. Всякая реформа, имеющая целью общественное благосостояние, тогда только может достигнуть предположенной цели, не подвергаясь разным случайностям, когда известны общественные нужды и средства. Джон Стюарт Мил[л]ь⁴² совершенно прав, говоря, что прежде, нежели давать новые права людям какого-либо сословия, необходимо прежде сделать точные ученые исследования об умственных, нравственных и политических качествах людей этого сословия⁴³. И в самом деле, доктор тогда только лечит больного с уверенностью в успехе, когда ему известны не только болезненные симптомы пациента, но и основные причины болезни. От незнания общественных нужд и от излишней ревности к гуманным теориям очень часто вводятся у нас нововведения и реформы, совершенно ненужные в данный момент и при известном положении дел. Избегнуть ошибок подобного рода очень легко, если при введении разных реформ не-

уклонно следовать тому методу, который употребляется в сельском хозяйстве при культивировании растений. По этому методу, во-первых, необходимо изучить вполне самое растение, затем нужно знать, на какой почве оно произрастает, сколько требует оно света, теплоты и проч[его]. Сущность теории заключается в том, чтобы доставить растению то, в чем оно нуждается и устранить все то, что ему мешает.

Условия племенного организма среды, климата и почвы должны быть всегда на первом плане, ибо все человеческие побуждения и мотивы обуславливаются совокупным влиянием физических и социальных условий. <Реформы бывают только тогда удачны, когда они правильны, т. е. тогда, когда они основаны на тех неизбежных законах прогресса, при которых только и возможно здоровое развитие общественного организма. Реформа такого рода должна поощрять [развитие] и ни в каком случае не останавливать.

Все революции, бывшие в Европе с 1793 года, происходили единственно от стремления правительства подавить свободное народное движение. Реформы же насильственные, привитые, основанные на отвлеченных теориях или же взятые из жизни другого народа, составляли до сих пор для человечества величайшее бедствие. Современные наши историки недаром все наши общественные болезни

и аномалии приписывают сокрушительному и антинародному духу петровской реформы.

Вообще из сказанного нами не следует думать, чтобы мы принадлежали к последователям той узкой [теории] народности, которые смотрят на народность как на нечто предопределенное от начала и думают, что она... должна развиваться только сама из себя. Напротив, мы думаем, что усвоение европейского, общечеловеческого просвещения и энергическая борьба с препятствиями, мешающими достижению этой цели, должна составлять конечную цель для всякого народа, способного к развитию и культуре.

Культура может изменить организм человека к лучшему, как культурный уход улучшает породу домашних животных. Чтобы сделать киргиза способным к восприятию европейских преобразовательных идей, нужно предварительно путем образования развить его череп и нервную систему. Организм не может принять того, до чего он не дорос.

В 1822 году Сперанский⁴⁴ составил Сибирское уложение, которое было в 1824 году введено в киргизскую степь. Народ неграмотный, кочевой, с своеобразными понятиями и обычаями, был подчинен ни с того, ни с сего бюрократической централизации со всеми ее мудреными инстанциями, атрибутами и названиями канцелярскими, непонятными до сих пор не только киргизам, но и русским.

Вместе с приказами, заседаниями, журналами исходящими и входящими навязали нам татарских мулл и татарское просвещение. Реформы подобного рода, собственно, мы и считаем бедственными для народа и вредными для прогресса>.

Мы сочли нужным сделать это длинное и, может быть, несколько докторальное вступление потому, что комитет, составленный при областном правлении для решения вопроса о судебной реформе в области сибирских киргизов, очевидно, был мало знаком не только с теми научными фактами, которые теперь приняты всеми за аксиому, но и вообще с тенденциями и требованиями нашего времени, ибо основал свой вывод на одних «народных мнениях», собранных от «знатных» киргиз одним из членов комитета – советником Яценко.

Народные мнения, как мы заметили выше, есть не что иное, как лепет неразумного дитяти, и потому народы неразвитые совершенно справедливо называются младенчествующими, мнения же султанов и биев еще менее заслуживают уважения, ибо интересы целой нации по строгой справедливости должны предпочитаться выгодам отдельного сословия. Вопросы же о реформах требуют гораздо большей осторожности и более глубоких соображений, ибо от них зависит народное «быть или не быть»⁴⁵.

Изо всех инородческих племен, входящих в состав Российской Империи, первое место по

многочисленности, по богатству и, пожалуй, по надеждам на развитие в будущем принадлежит нам – киргизам. Мы занимаем одну обширную сплошную территорию, между тем как другие инородцы разбросаны среди русского населения. Нас считается в русском подданстве до 800 тысяч, а с неверноподданными нашими соплеменниками мы превышаем миллион, тогда как всех татар в Европейской России, включая в это число башкир, ногайцев и киргиз Букеевской орды⁴⁶, полагается едва один миллион. Вся так называемая среднеазиатская торговля России есть не более не менее, как торговля наша: на долю Бухары⁴⁷, Коканда⁴⁸ и других стран Центральной Азии приходится весьма незначительная пропорция в общем торговом балансе. Народ наш, наконец, не так дик и груб, как думает о нем русское общество.

<Очень часто случается нам читать и слышать фразы вроде: «что за киргиз-кайсацкие нравы! Это простиительно какому-нибудь киргиз-кайсаку» и проч[ее]. Замечательно, что в подобных и обидных для нас случаях народ наш всегда называется киргиз-кайсацким, а когда же нас хвалят, то называют просто киргизами или просто кайсаками. Из этого надо думать, что мнение о необычайной дикости и грубости нашей основано единственно на вокальном варваризме слова киргиз-кайсака>. Говоря серьезно, киргизский народ принадлежит к числу наиболее миролюбивых и, следовательно, к чис-

лу наименее диких инородцев русского царства. В этом отношении мы уступаем только бурятам, но и потому, что буряты имели счастье принять самое гуманное и высокое учение – буддизм⁴⁹ ...

Народ наш имеет богатую и не лишённую поэтических достоинств, растительную⁵⁰ литературу, более близкую к индогерманскому эпосу, чем к восточным произведениям этого рода. Наконец, что всего важнее, формы нашего общественного развития находятся в том самом безыскусственном периоде, когда они представляют наибольшую аналогию с результатами высшего, культурного развития. На этом факте основаны все наши надежды на будущее⁵¹. Сверх того, мы как потомки батыевских татар связаны с русскими историческим и даже кровным родством.

Судьба миллионов людей, подающих несомненные надежды на гражданственное развитие, людей, которые считают себя братьями русских по отечеству и поступили в русское подданство добровольно, кажется, заслуживает большего внимания и большей попечительности в таких решительных вопросах, которые формулируются в шекспировское – быть или не быть. Отсутствие разумного самозащитения и всякого рода пассивность, по причине неразвитости, обязывают правительство в отношении нас быть чрезвычайно внимательным и крайне осторожным.

Только вследствие невнимательности, которая, надо сказать, в отношении нас, киргиз, уже вошла в привычку областного начальства, комитет, бывший при областном правлении, мог принять без всякой критической оценки мнения султанов, биев и других знатных киргиз за главное основание для своих работ и только по укоренившейся невнимательности мог утвердить в своем проекте те ненужные и вредные для народа преобразования и изменения, которых добивался привилегированный класс киргизского народа и которых не хотел простой, или, как выражаются степные аристократы, «черный» киргизский народ. Для правильной оценки народных мнений стоило только комитету вникнуть в сословные отношения киргиз и в отношения их к непосредственному русскому правительству. Наконец, комитет имел под рукою достаточно исторических и статистических фактов, чтобы проверить эти голословные мнения. Статистика и те данные, которые заключаются в делах областного правления, при всей их скудности заслуживают гораздо большего уважения и вероятности, чем мнения невежественных и диких аристократов невежественного и полудикого народа.

В этой записке мы берем на себя смелость разъяснить и рассмотреть вопрос о судебной реформе в нашей области на основании более точных фактов и наблюдений. Мы пользовались некоторыми ста-

тистическими и историческими данными, взятыми из дел областного правления и окружных приказов⁵².

* * *

Чтобы дать правильный взгляд на значение народных мнений, чтобы выставить их в истинном свете, я, как помощник и сотрудник г. Яценко в возложенном на него поручении, считаю необходимым начать свои заметки подробным и точным обзором всех обстоятельств, сопровождавших ход наших занятий. Начинаю с того, как отбирались нами народные мнения и при каких условиях.

Во-первых, показания давали волостные управители, старейшины, султаны, бии и богатые киргизы, т. е. ордынские чиновники или ордынцы, имеющие в виду быть чиновниками. Народ, т. е. небогатые, нечиновные и нетитулованные киргизы, в даче мнений и в совещаниях по этому предмету участвовал очень мало, даже, можно сказать, вовсе не участвовал. Чтобы удостовериться в справедливости этого факта, стоит только посмотреть на печати и тамговые знаки, приложенные к показаниям: там все султаны и старшины. Простые киргизы по отдаленности летних кочевков от мест, где учреждены приказы, приезжают на ревизию, только по крайней необходимости и по окончании ревизии, истощив свои скудные запасы, тотчас же уезжают.

Удерживать народ для совещаний почетные киргизы, кажется, не старались, по привычке заочно располагать голосами и мнениями своих родичей, да и удержать голодных киргиз было бы для них не так легко. Некоторые султаны и бии, внесенные в список биев 1854 года и участвовавшие при первых совещаниях по нашему делу, через день и два уезжали тайно в свои аулы, оставив печати в чужих руках, чтобы приложить их к народному решению, каково бы оно ни было. Затем оставались при приказах, как было уже замечено, одни ордынские чиновники и честолюбивые богачи. И эти лица, при чтении проекта, обнаруживали непростительное равнодушие, некоторые даже засыпали. Вообще никто из киргиз, за небольшим исключением, не понимал или не хотел понять, в чем дело и чего от них хотят.

Причины такого непонятного равнодушия киргиз в этом столь важном народном деле были: во-первых, невежество и непонимание своих интересов, во-вторых, то, что киргизы не были заранее приготовлены к пониманию того, что им читали и на что от них требовали скорого ответа; равнодушествовали киргизы и вследствие недоверия к русскому правительству. Они сомневались в нашей искренности и думали, что спросы наши делаются для одной только формы или с какой-нибудь другой, невыгодной для них, целью. В каждом действии русского начальства киргизы видят одно

только зло, посягательство на их свободу и льготы. И это очень понятно потому, что киргизы о русском начальстве судят по действиям своих русских заседателей⁵³.

Объяснение мое может показаться для многих чем-то крайне сомнительным, пожалуй, найдутся и такие господа, которые будут обвинять меня в клевете на свой народ; я бы мог представить в оправдание свое множество примеров, где подозрительность киргиз и недоверие их к правительству и к русским чиновникам (что в понятии киргиз одно и то же) выражалось еще в более мелочной, в более ребяческой форме.

В сороковых годах поручено было одному из чиновников бывшего пограничного правления Сотникову⁵⁴ собрать юридические предания киргиз и их судебные обычаи. Этот чиновник, желая начать сборник свой преданиями более древними, стал расспрашивать киргизских родоначальников, предварительно собрав их в приказы, откуда происходит и как сформировался киргизский народ и что значит слово казак? (так сами себя называют киргизы). Киргизы стали рассуждать, к чему все это от них спрашивают и какая может быть польза русскому правительству от знания их происхождения. Какой-то проницательный кайсак заметил, что, вероятно, их хотят обратить в казачество, так как предки их, по преданию, были казаки. Мысль эта показалась для всех до того ясной и вероятной, что

они скрыли от г. Сотникова настоящее предание о «казаках и трех сотнях» и показали себя выходцами из Турции или Аравии⁵⁵. Долго в степи ходила молва, что Сотников хотел обратить их в казачество.

Мы, с своей стороны, не только не могли внушить киргизам должного доверия, но, говоря правду, сами возбуждали в них обычный их скептицизм. Привожу факты: является многочисленная толпа киргиз знатных и незнатных, словом, все киргизы, бывшие в это время в станицах и городах, где расположены приказы.

Во всех округах первый ответ был один и тот же и выражался всеми собравшимися единодушно: «Суд биев и съездов их, – говорил народ, – существует у нас издавна и заключает в себе все начала мирового суда, предлагаемого ныне русским правительством. Суд этот, – продолжали собравшиеся киргизы, – вполне удовлетворяет условиям нашего народного быта, поэтому суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме». Это, очевидно, было решение народа, *en masse**, решение кругов. Но г. Яценко, вероятно, вследствие правительственных инструкций и указаний замечал, что в мнениях своих они должны соотноситься с основными положениями общего проекта преобразования, например: нужно, чтобы число биев было определено положительной цифрой, нужно, чтобы бии были по выборам и проч[ее].

* То есть большинства, массы (*франц.*).

Киргизы смущались, недоверие быстро овладевало толпой, начинались споры, совещания, и народ просил отсрочки. С шумом киргизы уходили на улицу, собирались в новые круги и через несколько времени возвращались к нам в другой раз, но в гораздо меньшем числе. Второе показание начиналось, обыкновенно, добавлением, что «суд биев и съездов их необходимо оставить в древней народной форме, допустив некоторые применения и дополнения сообразно духу времени и обстоятельствам».

Добившись этой уступки, мы читали им пункты «проекта» относительно правила избрания и относительно обязанностей мировых судей.

Киргизы на каждый пункт делали свое мнение и всегда противоположно смыслу первого своего показания, т. е. не добавляли и не применяли, а прямо разрушали и уничтожали суд биев, о сохранении которого всецело просили сами. Мнения эти выражались устами нескольких биев и чиновных лиц, а остальные почетные ордынцы ограничивали свое участие одними одобрительными жестами. По временам возникал в среде представителей народа крикливый диспут. Биям хотелось, чтобы их избрали на более продолжительный срок, чтобы им предоставили право принятия и решения дел по личному усмотрению и право участвовать в исполнении решений; хотелось биям, чтобы решения их в известных случаях не подлежали обжалованию,

словом, корпорация киргизских судей стремилась к тому, чтоб киргизского бия, судебного практиканта, обратить в мирового судью, судебного чиновника. Волостные управители, по инстинкту самосохранения, горячо противились биям, видя в них прямое посягательство и на чиновническую власть, принадлежащую теперь им.

После взаимных уступок дело при посредничестве старших султанов улаживалось таким образом, что бии не могли мешать управителям, управители – биям, а управители и бии – султанам. Почетные ордынцы-нечиновники были на все согласны, ибо для них, для будущих кандидатов на все эти должности, того и нужно было, чтобы степные власти не мешали друг другу эксплуатировать простой народ.

Из приведенного очерка наших работ по судебной реформе в области сибирских киргизов можно ясно усмотреть, что желание большинства массы народной заключалось в том, чтобы оставить суд биев в древней народной форме, а личный интерес чиновных, титулованных и богатых киргиз, напротив, в том, чтобы изменить суд биев в его основе.

Факт этот требует особенного внимания при дальнейшем рассмотрении вопроса о судебных реформах в степи и знаменателен еще тем, что дает нам поучительные данные, как бесцеремонно богатые и почетные киргизы относятся к небогатым и непочетным своим родичам. Красноречивый пример бесцеремонности почетных киргиз к непочет-

ным я имел случай заметить в Каркаралах. Там бии и султаны дали мнения свои, не посоветовавшись с «черным народом», и, между прочим, показали, что для их округа нужно назначить четырех главных биев, каких-то биев над биями. Мнение это, как оно ни было нелепо, я должен был внести в записку, и когда записка эта переписывалась в приказе, квартира моя была осаждена многочисленной толпой конных и пеших киргиз. Народ требовал уничтожения статьи о «биях над биями» и до тех пор не расходился, пока требование его не было исполнено. Дело в том, что двое каких-то почетных старшин, имевших должности: один заседателя, а другой управителя, были удалены за лихоимство, по просьбе народа, от занимаемых ими должностей, и вот киргизские власти, вероятно, желая показать участие к собрату и пренебрежение к народу, решились для этих лихоимцев выдумать должность «бия над биями» и тем самым вызвали демонстрацию со стороны простого народа.

Мы надеемся, что всех этих *acta et facta** достаточно, чтобы видеть всю фальшивость и ложность знаменитых народных мнений. Комитет видел в этих мнениях потребность реформ и преобразований в суде биев, который, по показанию знатных ордынцев, не вполне будто бы удовлетворял совре-

* *Акт*ов и *действий* зачеркнуто автором и дано только в латинской транскрипции.

менному социальному развитию киргизского народа; но мы же, считая себя в этом случае, в качестве очевидца, более компетентными, видим в этих мнениях интриги и низкие побуждения, с одной стороны, равнодушие и пассивность – с другой, невежество и дикость – с той и другой стороны.

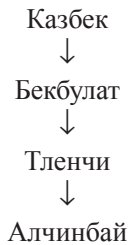
Упрекая киргизскую знать в голословности, мы сами не будем голословны. С этой целью мы рассмотрим теперь суд биев в его сущности, чтобы увидеть смысл и характер этого института. Затем, на основании статистических и других достоверных фактов, постараемся определить, в какой степени суд биев удовлетворяет или не удовлетворяет современному развитию киргизского народа, и в заключение для окончательного вывода сравним, насколько суд биев согласуется с главными началами проектированного правительством мирового суда и в какой мере последний применим к быту киргиз <или неприменим вовсе>.

Суд биев в древней народной форме

1) Возведение в звание бия не обуславливалось у киргиз каким-либо формальным выбором со стороны народа и утверждением со стороны правящей народом власти; только глубокие познания в судебных обычаях, соединенные с ораторским искусством, давали киргизам это почетное звание. Чтобы приобрести имя бия, нужно было киргизу

не раз показать перед народом свои юридические знания и свою ораторскую способность. Молва о таких людях быстро распространялась по всей степи, и имя их делалось известным всему и каждому. Таким образом, звание бия было как бы патентом на судебную и адвокатскую практику. Дети лиц, носивших звание биев, имея большую юридическую практику, обыкновенно наследовали знания и вместе с тем и звания своих отцов.

Мы можем представить многочисленные примеры такой наследственности звания биев в киргизском народе. В каракисецком роде⁵⁶ Средней орды, в конце XVII века, был известный бий Казбек⁵⁷; потомство его до сих пор носит звание биев:

Впрочем из этого вовсе не следует думать, что звание биев было у киргиз когда-либо наследственным. Бий Чорман, сын богатого и знатного киргиза карджасского рода⁵⁸, но не бия, Чорман, у которого предки никогда не были биями, тринадцати лет приобрел это звание, выиграв важный родовой про-

цесс на одном народном сейме, и до смерти своей назывался Чорман-мальчик. Мы знаем много киргиз, которых отцы были известными биями, но которые сами не носят этого звания.

2) Закон родового быта, по которому члены одного рода считались как бы членами одного семейства, был причиною того, что бий-однородец в процессе своего родича с членом другого рода мог быть только адвокатом у своего однородца, но не судьей его. Понятия родства распространялись у киргиз и в отношении отдаленнейших поколений. Например, Средняя орда разделяется на шесть главных родов: аргын, кипчак, конрад, найман, увак и керей, которые находятся между собой в отношении братьев, посему истец конрадского племени в процессе с ответчиком из племени аргын имел полное право отстранить от суда всех биев области сибирских киргизов как однородцев, следовательно и приверженцев своего ответчика, исключая биев баганалинских, кипчаковских, увакских и киреевских, составляющих всего около 15-ти волостей в области. Эта особенность родового быта киргиз послужила основанием права свободного выбора со стороны тяжущихся для разбора своего дела биев из всех лиц, носящих это звание на пространстве всей киргизской степи, чтоб доставить им полную возможность выбрать вполне беспристрастного судью.

Так, в 1758 году* султан Барак, один из сильнейших владельцев Средней орды, убив Абулхандира⁵⁹, хана Меньшей орды, избрал для суда над собою 4-х биев из биев всего киргизского народа. В числе его судей были: Тулебий⁶⁰ от Большой орды и Айтек⁶¹ – от Малой.

Кочевой образ жизни, способствующий быстрым передвижениям с места на место и частым столкновениям одних родов с другими, привычка киргиз к разъездам и путешествиям, беспрестанные съезды биев и других почетных ордынцев из отдаленных мест на поминки, байги и на другие народные собрания и сборища давали и дают теперь киргизам легкую возможность отдать свое дело на суд инородного бия или на суд какой-нибудь проезжей известности. Вообще киргизы любили и любят судиться у проезжих биев или у лиц, совершенно им незнакомых, чем у биев соседнего племени, с которыми у них есть частые сношения, следовательно, и родовые счеты.

3) Из воззрения на дело суда, как на дело частное, относящееся только до интересов тяжущихся, явился обычай за труд, принимаемый на себя бием, в известных случаях вознаграждать его штрафом, «бийден бийлаги»**, с тяжущегося, признанного по суду виновным.

* Описка, точнее: 1748 г.

**Точнее: «*бидің бийлігі*» – вознаграждение за решение бия.

4) Этот же взгляд на бия как на частного практиканта, а на суд как частное дело, был причиной того, что киргизские бии могли принимать к своему производству и решению дела не иначе, как по просьбе тяжущихся или по сообщению административной власти и по той же причине не могли участвовать в исполнении своих решений.

5) Понятно, что такой свободный взгляд на суд и на судью не мог ограничивать право обжалования, и киргизам предоставлялось это право в самых широких размерах.

6) Но самую замечательную черту суда биев составляет, конечно, следующий обычай: когда не было против обвиняемого явных улик, но имелось только сильное подозрение, то бии прибегали к посредничеству честных родовичей, которые присягой обвиняли или оправдывали подсудимого. Число этих «присяжных» и круг для их выбора обуславливались важностью рассматриваемого дела. Таким образом, присяжные выбирались иногда из близких соплеменников подсудимого, а иногда из целой волости или из целого округа.

7) Суд биев производился словесно, публично и во всех случаях допускал адвокатуру. Он был в таком уважении у народа, что не требовал и не требует до сих пор никаких дисциплинарных мер.

Вот суд биев, бывший в степи до основания окружных приказов в кочевьях Средней киргиз-кайсацкой орды.

Рассматривая внимательно суд биев, действующий теперь у киргиз нашей области, мы видим, при всем нашем желании найти в нем что-нибудь новое, прививное, – те же формы, те же начала древнего народного суда, которые мы изложили выше. Суд биев, несмотря на 40-летнее русское влияние, остался таким, каким был он за сотни, может быть, за тысячу лет до нас. Стало быть, ни внутренняя инерция народа, ни влияние русских учреждений и законодательств не могли изменить его древних и простых форм, хотя русское правительство не раз думало дать ему более прочную, более официальную организацию. С этой целью был издан закон 1854 года⁶², которым было поставлено: «Звание биев оставить за теми, кто им пользовался до 19-го мая 1854 года; на будущее же время предоставить оное только султанам и аульным старшинам, прослужившим в этих должностях не менее 6-ти лет и отправлявшим какие-нибудь должности или чем-нибудь всемилостивейше награжденным, и не иначе, как по выбору общества и с утверждения окружного приказа (94 ст., том II, часть 2. Учр. об управлении инородцами)». Этот неудачный закон, имевший целью возвысить звание биев, дав им чиновничье значение, но прямым последствием которого было бы то, что звание биев перешло бы непременно в руки честолюбивых богачей, положительно не сведущих в народных обычаях и правах, к счастью киргиз, не имел никакого влияния на

их народный суд, потому что число лиц, бывших биями до 19-го мая, оказалось и оказывается до настоящего времени достаточным для отправления у киргизского народа правосудия. Таким образом, древнейший суд биев действует и поныне в киргизской степи на тех главных началах, на которых действовал он до принятия киргизами русского подданства.

Если 40-летнее русское владычество, внесшее много совершенно новых элементов в общественную жизнь киргизского народа, не имело никакого влияния на древний киргизский суд биев, если суд этот мог устоять против неблагоприятных условий русского законодательства (например, закона 1854 года), ясно, что он вполне удовлетворяет настоящему развитию киргизского народа.

Удовлетворительность суда биев самым блистательным образом доказывается официальными источниками, именно: незначительностью жалоб на первоначальное решение биев и почти совершенным отсутствием просьб от киргиз о производстве дел, подлежащих ведомству биев, по русским законам.

По справкам из дел окружных приказов видно, что в Каркаралинском, Кокчетавском и Баян-Аульском округах жалоб на несправедливое решение биев и просьб о постановлении решений по русским законам в приказы этих округов в течение последних трех лет вовсе не поступало, хотя судом

биев было окончено в Каркаралинском округе: в 1860 – 72, в 1861 – 77 и в 1862 – 22 дела. В Атбасарском приказе в 1861 году была только одна жалоба и с просьбой русского суда, но жаловался, впрочем, не киргиз, а казак. Всего более неудовольствий на решение биев встречаем мы за последнее трехлетие в Акмолинском округе, в границах которого проживает наиболее всего русских, татар, ташкентцев и других иноплеменников. В 1860 году в Акмолинский приказ поступило две жалобы, одна из них сопровождалась просьбой русского суда, в 1861–3, [в] 1862 – 4. В сведениях, доставленных Акмолинским приказом по этому предмету, к сожалению, не показано племя и происхождение лиц, подававших жалобы. Надо думать, что просители были не киргизы.

Мы знаем, однако, несколько примеров, что киргизы действительно желали русского суда, но просители эти были ордынцы, заклеянные народным презрением, люди вполне безнравственные, которые надеялись незаконными путями, через русских чиновников исправить проигранное на народном суде дело. Им было нечего терять. Так просил Коджук, известный кушмурунский конокрад, так просил Баубек, содержавшийся 2 года на гауптвахте в Атбасаре по многократным жалобам киргиз своего и Кокчетавского округов. По суду биев этот хищник, бывший некогда сподвижником Кенесары⁶³, был приговорен к уплате нескольких

сот лошадей, но совершенно отказался от уплаты и, посаженный на гауптвахту, просил русского суда.

В пользу суда биев мы можем привести еще один крупный факт, говорящий сам за себя. Это то, что русские истцы или русские ответчики во многих случаях предпочитают суд биев русскому следствию. Известно достоверно, что в Кокчетаве в нынешнее лето было решено несколько десятков такого рода дел.

Теперь позволю себе приступить к главной задаче по вопросу о судебной реформе в Киргизской степи Сибирского ведомства, именно: к сравнению главных элементов киргизского суда биев с основными началами мирового суда, проектированного для русских губерний. При первом общем взгляде на эти два, по-видимому, разнохарактерные учреждения чувствуется, что между ними существует большое сходство, много общего в идее, но, разбирая каждый пункт отдельно, мы видим одну только разницу. Сходство заключается, например, в словесности и публичности делопроизводства, но здесь есть разница, если пускаться в тонкости: мировые судьи решения свои постановляют на бумаге, а бии не всегда; мировые судьи делают разбирательства свои публично только по делам гражданским, бии – по всем без исключения делам, подлежащим их ведомству. (Тонкости эти заимствованы нами вместе со статьями законов из комитетского проекта).

Разница заключается:

а) По судоустройству

1. Бии существуют в неопределенном числе, мировые же судьи полагаются по несколько на каждый мировой округ.

2. Бии никем формально не избираются и формально никем не утверждаются. Значение их основано на частном авторитете, который приобретают они так же, как в Европе поэты, ученые и адвокаты. Шекспир⁶⁴ и Гете⁶⁵ считаются всеми за великих поэтов, но мнение о гениальности их основано не на декретах правительств и не на формальных выборах народа. Для выбора в мировые судьи существует определенный порядок и ценз.

3. Бий тогда только судья, когда к нему обращаются тяжущиеся, обращаются же к нему – пока он пользуется хорошим репутацией*, только потеря авторитета лишает его бийского звания. Мировые судьи избираются на три года и, пока служат, пользуются постоянными правами и обязанностями.

4. Бии не получают никакого содержания ни от казны, ни от народа, но берут «бийден бийлагги», а мировому судье полагается из земского сбора определенная сумма на содержание его самого и на расходы его по канцелярии.

5. Съезды биев бывают не периодические, а случайные, а на съезды же мировых судей назначается определенный срок.

* Авторитет, престиж (франц.).

6. Мировой судья решает дела единолично, а суд биев одноличен может быть только тогда, когда тяжущиеся принадлежат к одному роду с бием и сами пожелают одного судью.

б) По судопроизводству

1. Мировым судьям подсудны: по уголовным делам – маловажные преступления и проступки, означенные в 19 ст. Угол. судопр., и по гражданским – иски на сумму не свыше 500 руб. (ст. 1 Гражд. судопр.). Биям же подведомственны все уголовные преступления и проступки, исключая означенных в 1167 ст., XV т., 2 кн. Угол. законов, прилож. к 183 ст. того же тома, 1 кн. Улож. § 1, пункт 2 и дополнение к этому пункту по 2 продолжению, и все дела гражданские киргиз между собою и с лицами иноплеменными в случаях, когда последние, будучи истцами, подчиняются сами суду биев (1177 ст., XV т., 2 кн. Угол. зак. и 1133 и 1134 ст., X т., II ч. Гражд. судопр.).

2. Бии приступают к разбору дел только по жалобе частных лиц или по сообщениям полицейских и других властей. Мировые судьи, кроме этих случаев, разбирают дела по преступлениям и проступкам и по личному своему усмотрению и дознанию (24 ст., пункт 3 Угол. судопр.).

3. Бии разбирают и решают дела на своем языке, по своим обычаям и законам, мировые же судьи, хотя и делают разбор дел на местном наречии, но

решают по совести или на основании общих законов Империи (28 ст. Угол. судопр.).

4. Решения биев могут всегда быть обжалованы, решения же мировых судей, в известных случаях, считаются окончательными и не подлежат обжалованию (30 ст. Угол. зак. и 3 ст. Гражд. судопр.).

5. Бии все дела разбирают публично, мировые судьи делают разбирательство публично только по гражданским делам (5 ст., Гражд. судопр.)⁶⁶.

6. Во всех делах, решаемых судом биев, допускается адвокатура, в мировом же разборе упоминается о поверенных только по делам гражданским (5 ст., Гражд. судопр.).

7. Мировые судьи заносят решения свои в уставленную для сего книгу, у биев подобной книги нет.

8. Решения биев приводят в исполнение султаны, управители и старшины, а окончательный приговор мирового суда исполняет сам мировой судья.

9. В суде биев бывают случаи, допускающие участие «присяжных» для решения так называемого у англичан вопроса о факте (question of fact); мировой же суд обходится без присяжных.

Из этого сравнения киргизского суда биев с судом мировым очевидно, что мировой суд, несмотря на большую разницу в частности, в общей идее и по практической цели своей имеет много общего с судом биев у киргиз, только мировой суд изобилует большими формальностями и имеет более

бюрократических атрибутов. По нашему мнению, суд биев – и [это] не удивительно, если принять во внимание аналогию высшего развития с низшим, – имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере, в отношении киргиз. Мы бы сказали абсолютное превосходство, если б не боялись, что нас могут заподозрить в преувеличении.

Вообще говоря, суд мировой не есть еще суд идеальный, лучше которого нельзя было бы и ожидать. И в Англии, в этой образцовой стране мирового суда, по свидетельству новейших исследователей, много юристов и государственных людей, которые не совсем довольны современным состоянием английских мировых учреждений. Блекстон⁶⁷, Гнейст⁶⁸ и Шарль Конт⁶⁹ в сочинениях своих указывают на некоторые положительные недостатки британского мирового суда.

Главное достоинство суда биев, по нашему мнению, заключается в отсутствии формальностей и всякой официальной рутины. Значение бия основано на авторитете, и звание это есть как бы патент на судебную практику. Тяжущимся киргизам предоставляется свободное право обращаться к любому из лиц, пользующихся судейским *гепогтйе*, как у нас больные обращаются к медицинским авторитетам, а подсудимые – к известным адвокатам. Официальные выборы никогда не могут удовлетворять этим высшим условиям, а у нас же в степи выборы под влиянием закона родового быта в настоящее

время ограничиваются одними родовыми интригами и служат только к удовлетворению тщеславия богатых киргиз и к обогащению русских чиновников, отлично умеющих в мутной воде рыбу ловить.

Если, согласно своекорыстному желанию киргизских чиновников и богатых табуновладельцев, избрание биев подчинить формальным выборам, то отправление правосудия в степи неминуемо перейдет при помощи денежных сделок и разных низких интриг, что случается у нас сплошь да рядом, в руки табуновладельческой и торговой знати, положительно не сведущей в наших судебных обычаях и в наших юридических правах. Свободный выбор судей из всех лиц, носящих звание биев, представленный тяжущимся, вполне заменяет выборы и даже более достигает той цели, с которой обыкновенно производятся выборы. Бии у нас теперь занимают своей профессией по призванию и имеют причины дорожить своей репутацией. Сделавшиеся же выборными чиновниками они во всем будут походить на наших управителей, которые тянут со всех и всем сами платят.

Неблагоденный судья, при настоящем положении дел, без всяких скандалов может быть обойден: к нему никто не будет обращаться – и дело кончено. Если же этот неблагоденный судья будет выбран официально и на срок, то киргизам придется сносить все его гадости до выборного

термина*. Наконец, если судья будет человек богатый, то выборы, пожалуй, не избавят народ от его несправедливостей.

Преимущество имеет суд биев и в том отношении, что он редко бывает единоличен; в нем допускается безграничная публичность, а иногда и нечто вроде участия присяжных; решения его подлежат обжалованию, между тем как мировым судьям в этом отношении дается слишком большая власть, тем более опасная, что судья может руководствоваться во многих случаях одними законами совести, без всякой другой гарантии.

Суд биев в отношении киргиз выигрывает окончательно потому, что другие статьи общего проекта не применимы к быту кочевника, особенно главные статьи по мировому судопроизводству. Например, киргизы не могут быть судимы по русским законам. Причина очень простая. Во-первых, от киргиза, при другом племенном организме и при других условиях среды и стихии, нельзя требовать одинакового понимания и взгляда на преступление и проступки, как от русских и от других европейцев, и, наконец, киргизы не знают и не могут знать русских законов, хотя при следствиях они наравне с русскими не могут отзываться незнанием закона. Киргиз, не понимающий ни одного русского слова, не может

* Искажение переписчика, следует читать: *до выборного времени*.

отзывать не знанием русских законов! (Нелепость и рутинность этого требования очевидны). Это, конечно, китаизм, так сказать, возведенный в перл создания. Выходит, что правительство наше сознательно требует от своих подданных невозможного, как нечто очень возможное.

Нет никакого сомнения, что тот закон хорош для народа, который более ему известен, закон родной, под которым человек вырос и воспитывался, как бы закон этот ни был несовершенен, должен казаться ему лучше, понятнее и яснее самых мудрых законодательств, взятых извне или навязанных сверху. Между тем, обычное право киргиз, по той же аналогии высшего развития с низшим, на которое мы так любим ссылаться, имеет более гуманных сторон, чем законодательство, например, <мусульманское, китайское и> русское по Русской Правде⁷⁰. В киргизских законах нет тех предупредительных и устрашающих мер, которыми наполнены и новейшие европейские кодексы. У киргиз телесные наказания никогда не существовали. А законы родовые, по которым члены рода ответственны за своего родича, при родовых отношениях приносят много практической пользы⁷¹.

Начатие дел по личному своему усмотрению также неудобно применимо к киргизским биям. Это право обратило бы киргизского бия, судью, в полицейского сыщика, который бы стал невыносимо придиричив, чтобы получить побольше «бийден

бийлаги», а участие в исполнении решений дало бы ему до известной степени предрешающую власть. <Вследствие чего он [из] частного судебного практиканта обратился бы в полицейского* ...>. Такая посторонняя фикция прямо противоречит основной идее суда биев.

Из приведенных нами фактов и доказательств видно:

1. Что начала мирового суда, проектированные для русских губерний, во многих началах своих положительно не применимы в отношении киргизского народа.

2. Суд биев, действующий у киргиз теперь, при господствующем у них родовом быте и родовых отношениях, вполне удовлетворяет развитию народа как продукт, непосредственно выработанный самим народом <из прошедшей [его] жизни, из продуктов его развития и> под влиянием особенностей их страны.

3. Что суд биев имеет некоторые преимущества перед судом мировым, по крайней мере в отношении киргиз.

4. Что желание большинства массы киргизского народа, при отобрании от них мнений по вопросу о судебной реформе, было выражено в пользу древнего суда биев без всяких изменений и дополнений.

*Возможно, в рукописи пропущено слово *сыщика*.

Принимая во внимание все вышеизложенные причины и руководствуясь той истиной, что для нормального роста народа, на какой бы степени развития он ни стоял, необходимы: саморазвитие, самозащитение, самоуправление и самосуд, мы приходим к тому неотразимому заключению, что суд биев следует оставить до поры до времени в том самом виде, в каком он был до издания закона 1854 года, а закон этот, как рожденный под влиянием бюрократических идей, единственно в видах формализма и порядка, следует отменить. В наше время на регламентацию и формализм следует смотреть не иначе, как на анахронизм, или как на 10 тысяч китайских церемоний. Формализм и бюрократическая рутина обуславливали собой один только застой <и неподвижность> и служили до сих пор китайской стеной для всякой полезной общественной деятельности, останавливая свободное течение всечастных и вседневных преобразований и улучшений, которых требует живая народная сила. Чтобы привить какое-либо преобразование и чтобы потом сохранить его, необходимо, чтобы реформа эта соответствовала материальным нуждам и была бы приспособлена к национальному характеру того общества, для пользы которого она предпринята. Всякое нововведение вне этих условий может быть безусловно вредно, и как явление аномальное может порождать только одни неизлечимые общественные болезни и аномалии.

Конечно, правительство наше никогда не согласится отдать суду биев те преступления и проступки, которые были судимы до сих пор по русским уголовным законам и составляли предмет особенного правительственного наблюдения. «Уголовными преступлениями в отношении к сибирским киргизам, – гласит 1167 ст. Зак. уголов. судопр., XV т., II часть, изд. 1857 года, – считаются: измена, убийство, разбой, баранта, возбуждение своих соплеменников против правительства, явное неповиновение установленным властям, преступления по должности, подделка и умышленный перевод фальшивых государственных бумаг и монеты, поджог и принятие ложной присяги по делам, судимым на основании общих российских законов; за сии преступления, а также за преступления и проступки, учиненные киргизами не в местах кочевья их, а в городах и селениях, они приговариваются к наказаниям по общим законам империи». Мы находим, что за убийство, грабеж и хищничество непременно следует судить по русским законам, так как киргизские судебные обычаи в этом отношении крайне неудовлетворительны, оценивая жизнь человека во сто лошадей и в 6 хороших вещей. Но относительно баранты следовало бы сделать некоторые смягчения и уступки. В наших судах слово баранта имеет какое-то <несвойственное самому акту роковое>, страшное значение и считается самым важным преступлением после измены и убийства.

Между тем важность баранты основана у нас на одном только предании, предрассудке. Криминал заключается не в факте, а в зловещем звуке этого слова. Спрашивается, что называется в нашей криминалистике барантой? Вопрос о баранте не выяснен и ответа положительного не может быть. Областное правление [уже] несколько лет как требует от приказов разрешения этой загадки и не может дожидаться. Стряпчий областного правления г. Кондратович толмачит баранту словом: угон с убийством, но объяснение это не более не менее как остроумная догадка. Мы постараемся объяснить баранту, как понимают ее сами киргизы. У киргиз баранта допускалась иногда и законом. За воровство, грабеж, угон полагается аип*, а за баранту – ничего. Барантой называется захват чужого скота или чужих вещей, вообще чужой собственности, за неуплаченный долг – калым или кун**. Случалось в старину, что сильный племенным родством киргиз <не платил кун за убийство или аип за оскорбление, нанесенное им какому-нибудь менее сильному киргизу, или же>, совершив убийство или кровную обиду, не хотел идти на суд. Тогда, по решению родового сейма, оскорбленные и униженные шли на баранту и, сделав чувствительный захват, принуждали гордого обидчика дать законное

* *Аип* – штраф, взыскание.

** *Кун* – выкуп за кровь (за убийство).

удовлетворение⁷². После примирения убарантованный скот возвращался сполна, но без всякого аипа.

Баранта производилась явно, т. е. днем, и с насилием, в случае нужды, или же тайно, воровски. В последнем случае барантачи обязаны были не позже 3-х дней известить своих соперников, что баранта затеяна ими и за то-то. Иначе похищение, произведенное ими, считалось воровством. Понятно, что при явной баранте барантачи встречали готовый отпор, случались драки, убийства. Но все это может случиться и при угоне, который, однако ж, не считается уголовным преступлением.

Угон – это просто набег, разбой, хищничество, когда без всякой причины и повода, с одной лишь корыстной целью нападают и угоняют табуны оплошных киргиз. В наше время баранта производится за долг, за неуплаченный калым и большей частью тайно, воровски.

Баранта, какая бы она ни была, как самоуправство, конечно, не может быть терпима нашим правительством, но, принимая во внимание взгляд народный на баранту и силу обычая, мы думаем, что правительство наше поступает слишком строго и, пожалуй, не совсем справедливо, придавая баранте первостепенную важность. Мы думаем, что баранту тайную, воровскую следовало бы передать суду биев как род воровства, а на баранту открытую смотреть более снисходительно. Впрочем, почему бы и ее не передать в ведомство биев, если она

не сопровождалась убийством, ведь это то же, что угон⁷³.

Но что бы ни было с барантой, остается немало других уголовных преступлений и проступков, за которые киргизы судились и, конечно, будут теперь судиться по общим уголовным законам Империи.

Устройство судебных мест для киргизских областей представляет некоторые затруднения, вследствие особых местных условий, которыми мы теперь займемся. Киргизы при отобрании от них мнений об этом предмете старались только об одном, чтобы уголовный суд был от них как можно дальше. Опираясь на то, что у них бывает очень мало дел, подлежащих уголовному производству, они предположили основать суд этот в Акмолах*. Некоторые указывали, впрочем, на Омск, но г. Яценко это не одобрил.

Действительно, уголовных дел, подлежащих судебному решению, в нашей области до сих пор было очень мало.

В течение последнего трехлетия поступило на ревизию областного правления дел:

в 1861 г. – 45

« 1862 г. – 27

« 1863 г. – 39

Итого 111

* В настоящее время – Астана.

Из этого числа поступило:

	1861	1862	1863
Из Кокчетавского приказа	31	7	13
« Атбасарского «	1	3	2
« Акмолинского «	3	5	4
« Баян-Аульского «	2	5	4
« Каркаралинского «	8	7	14
Итого	45	27	31*

Из 111 дел решено:

в 1861 г. – 34

« 1862 г. – 35

« 1863 г. – 34

Итого 103

Мимоходом считаю не лишним заметить, что в завершенных делах обнаружено преступление едва по 43 делам!

Устройство суда в Акмолах для киргиз и для русских жителей степных станиц по крайней незначительности дел, подлежащих ведомству суда, будет только излишней и бесполезной тратой денег, если же суд этот будет, как предлагали некоторые, разъездной, кочевой, то сверх траты казенных денег он будет невыносимо обременителен для киргиз. Ямская повинность⁷⁴, как известно из опыта,

* Описка, следует читать: 37.

была в прошлом столетии одной из главных причин недовольствия русского народа на правительство. Сибиряки и сибирские инородцы до сих пор жалуются на тягостную для них выставку подвод под исправников⁷⁵, заседателей и попов. У киргиз же ямская повинность отправляется без всякого порядка и крайне неравномерно. Многие чиновники берут и теперь по 40 и 60 лошадей под один экипаж и ничего не дают подводчикам, кроме зуботычин. Последнее делают и частные лица.

Случается нередко, что некоторые «майоры» (так киргизы называют русских чиновников) не возвращают хозяевам взятых ими в подводы лошадей (без зуботычин).

По всем этим соображениям мы думаем, что нет никакой особенной надобности устраивать особый суд для нашей степи. Омск, где, вероятно, будет одна какая-нибудь степень суда, по географическому положению своему находится в условиях не менее выгодных, чем Акмола. Если для баганалинцев, кочующих по Чу и Сарысу, он будет значительно дальше Акмолов, зато для других, более населенных округов, он будет ближе и удобнее. Во всяком случае для киргиз гораздо выгоднее ездить в Омск на суд, чем принимать правосудие в своих волостях.

Еще вопрос о выборе присяжных. Признаться, трудно ручаться за беспристрастный выбор этих лиц и нельзя не бояться влияния знатных ордын-

цев и родовых симпатий и антипатий. Чтобы избежать этого неудобства, нам кажется, что можно бы выбор присяжных производить при суде, взяв список всех биев, решавших в предыдущем году какие-либо дела, и избрав из них по жребию присяжных. Содержание присяжных во время сессии суда, конечно, ничего не будет стоить, если принять в расчет ту экономию, которую приобретает казна, не учреждая для степи особого окружного суда.

Оканчивая свои заметки по судебной реформе, я не могу пройти молчанием другой, не менее важный народный вопрос – вопрос о религиозном принципе, тем более, что вопрос этот получит теперь некоторую связь с судебным.

При даче мнений по судебной реформе киргизы всех округов нашей области, исключая, впрочем, Кокчетавский, просили: «Дела о браках и разводах, находящиеся теперь в ведомстве мулл, предоставить по-прежнему суду биев». Причины, вызвавшие эту народную протестацию, объясняются некоторыми историческими фактами, которые мы теперь и рассмотрим.

Киргизы до вступления в русское подданство были мусульманами только по имени и составляли в магометанском мире особый суннитский раскол⁷⁶. Мусульманские законы⁷⁷ никогда не были приняты киргизами и были введены в степь путем правительственной инициативы, вместе с бюрократическими прелестями внешних приказов.

Мы не знаем и не можем понять, что имело в виду русское правительство, утверждая ислам там, где он не был вполне принят самим народом.

Апостолом Магомета в Сибирской степи был великий Сперанский, назначавший мулл и предположивший построение мечетей и татарских училищ при окружных приказах. (См.: Особое учреждение управлений инородцев, именуемых сибирскими киргизами: Св. законов, изд. 1857 года, т. II, часть 2).

Нас поражает это обстоятельство особенно потому, что тот же Сперанский говорит в своем «Учреждении», что киргизы – м у с у л ь м а н е т о л ь к о п о и м е н и и что их легко обратить в христианство и проч. Что же, спрашивается, заставило этого замечательного, умного человека быть распространителем такого невежественного и дикого учения? Надо полагать, что в то недавно прошедшее время признать народ, входящий в состав Российской империи, не имеющим веры или признать верноподданных России официально за раскольников, хотя и мусульманских, находили не совсем приличным, а принять меры к обращению киргиз в христианство находили не совсем политичным по времени. Времена те миновали, прюдеризм* не в моде.

Оренбургским пограничным начальством уже давно приняты меры, чтобы препятствовать развитию ислама в подведомственных ему степях; там

* Показная, ханжеская мораль.

запрещается татарам не только быть муллами, но и жить долго в степи между киргизами. У нас же в Сибири правительство до сих пор держится в отношении мусульманства прежней покровительственной системы, и благодаря этому ислам делает в наших областях исполинские шаги. Вся степь наводнена полуграмотными муллами из татар и фанатическими выходцами из Средней Азии, выдающими себя за святых^{77a}. С некоторого времени стали появляться в пограничных округах дервишствующие курды, ногайцы и турки. Личный интерес иностранных мусульманских странников и особенно татарских семинаристов (которых я считаю за самых фанатических поклонников пророка) заключается в том, чтобы довести киргиз своим влиянием до того слепого религиозного изуверства, при котором так легко живется всем этим старцам, паломникам и дервишам.

Пропаганда эта во многом уже успела. В Баян-Аульском и отчасти в Каркаралинском округах киргизы предавались ханжеству с ревностью, свойственной только новообращенным. Там живет под покровительством местных туземных властей много ишанов⁷⁸, ходжей⁷⁹ из Бухары и Коканда и ежегодно приезжает и уезжает немало этой сволочи. Татарское духовенство, которому вверило русское правительство наше нравственное воспитание, занималось до сих пор только нравственным нашим растлением, брало взятки, учило ханжеству и вме-

сте с среднеазиатскими выходцами обманывало доверчивый наш народ. Что татарское духовенство постоянно содействовало шарлатанству странствующих мусульманских пустосвятов и составляло с ними одну общую ассоциацию идей, может служить доказательством дело о Мансурове⁸⁰. Все указные муллы были с ним в переписке, многие признавали себя его мюридами⁸¹. Нужно знать, какие люди у нас в степи занимают священнические места, кому вверена нравственная паства киргизского народа и суд в отношении такого трудного общественного вопроса, каков брак. У нас большая часть мулл из татар, и все они без исключения плуты. Это народ невежественный в высшей степени, едва знающий свою грамоту, но зараженный мрачным изуверством и диким суеверием. Во всех отношениях [это] темное царство⁸² <в самом обширном смысле>.

Правда, чтобы быть муллой, надо выдержать экзамен, который производится татарским муфтием⁸³, живущим в Уфе. Но успех экзамена зависит не от степени знания экзаменуемого, а от количества денежного пешкеша*. Мы не знаем, есть ли где-нибудь на свете такие жадные лихоимцы, как наше русское мусульманское духовенство. К самому муфтию, этому высшему мусульманскому духовному лицу в России, нельзя иначе обращаться

* Подношение, подарок.

с просьбой, как положив деньги в прошение. Вот что рассказывает один башкир о магометанском духовном собрании в Уфе. «Здесь надобно задобрить всех служащих, начиная с муфтия, секретаря, казы и писарей. Иногда приходится задабривать служителей и приближенных муфтия или казы» («Заметка башкира о башкирах». – Современник, 1863 г., № XI, ноябрь).

В татарском народе ходит много анекдотов и поговорок, подтверждающих то, что мы теперь сказали о татарских муллах. Но при всем том очерк наш вышел не так рельефен, как нам хотелось, мы не могли охарактеризовать и в сотой доле все то невежество, изуверство, шарлатанство и подлость, которые господствуют среди татарских попов. Впрочем, как бы ни была слаба наша характеристика, но факты говорят сами за себя.

Теперь мы будем говорить о состоянии народного образования в области сибирских киргизов, которые в настоящее время находятся бесконтрольно в руках мулл. Это прибавит еще несколько крупных черт к тому, что сказано нами выше о мусульманстве и о [его] священнослужителях. Почти в каждом ауле нашей области есть кочевая школа, где учителя по большей части татарские муллы или семинаристы. В Кокчетавском, Атбасарском и Акмолинском округах преобладают татары. В Баян-Аульском и Каркаралинском они в последнее время вытесняются среднеазиатцами. Чтобы понять, в каком духе татарское духовенство воспитывает

киргизское юношество, мы приведем один только пример: больше не нужно. В мусульманском населении города Петропавловска возник вопрос: грешно ли играть в карты и если грешно, то в какой степени? Обратились к одному мулле, известному по своей глубокой учености. Этот казуист, справившись со своими «темными книгами», объявил, что играть в карты мусульманам между собою – великий грех, но играть с русскими и с намерением обыграть их – дело похвальное, как род джихата*, подвизания за веру, которое завещал пророк своим последователям в неприменную обязанность. Профессор Березин⁸⁴ в своей популярной статье о мусульманстве, напечатанной в «Отечественных записках» 50 годов⁸⁵, доказал, как дважды два – четыре, на основании текстов из Корана и из книги преданий, что мусульманство и образованность – понятия несовместимые, даже враждебные, одно другое вытесняющие. Например, Магомет говорит, что [существует] семь небес (т. е. планетных сфер), следовательно, верующий магометанин должен отвергать все астрономические открытия со времен Птолемея⁸⁶, иначе он не будет правоверным.

Магомет все современные ему космогонические, медицинские и другие предания и предрас-

* Джихад (*араб.* усилие) – борьба за веру. В современной мусульманской литературе понимается прежде всего в оборонительном смысле, как стремление к достижению экономической и военной мощи, укреплению национальной независимости и т. д.

судки ввел в свое учение как догмат и тем самым остановил движение опытных наук. <Правда, арабы упражнялись изрядно в математике, потому что Мухаммед не знал арифметики и не ввел ее в свой Коран. Арабам нравилась философия Юркевича⁸⁷, нравилась потому, что она удобно применима ко всему, даже к учению Мухаммеда>.

Учение Магомета не может быть очищено, как думают некоторые защитники ислама; в нем невозможна никакая реформация. Какого можно ожидать возрождения от религии, которая имеет основанием своим дикие и варварские предрассудки кочевых арабов шестого столетия, предания спиритуалистов, жидов и разные фокус-покусы персидских магов того же периода. Если таков ислам турков и персиан, то каков должен быть ислам татарский, составляющий в мусульманстве нечто в роде пуританизма⁸⁸. Татары отвергают поэзию, историю, математику, философию и все естественные науки, считая их искушениями для слабого человеческого ума, и ограничиваются одной мусульманской схоластикой и казуистикой. На татарском языке нет ни одной книги, которая не имела бы характер мракобесия. Понятно, что татары воспитывают в киргизской степи подобных им факиров, но свежая народная сила не легко поддается мертвящему их влиянию.

Непосредственные сношения с среднеазиатскими владениями и, наконец, знание татарской гра-

моты дает киргизскому юношеству возможность читать романы, повести, поэмы и сказки на джагатайском наречии тюркского языка. Эпические и беллетристические произведения джагатайской литературы или пахнут учением Шамиля⁸⁹ (героические поэмы, имеющие сюжетом войны арабов с Греческой империей), или напоминают оды Горация⁹⁰ к Лигурину (роман о любви Мавлеви-Джами к прекрасному мальчику Мирзе-Хамдаму)⁹¹, или же вовсе не имеют смысла (поэма о любви соловья к розе, повесть о китайском принце, влюбленном в призрак светлой девы, которую он увидел во сне).

Конечно, никто из благомыслящих людей не станет оспаривать, что чтение педерастических романов безнравственно и вредно и что чтение утопических книг, затемняющих здравый смысл фанатическим сумбуром, не может быть полезно.

Но никто из них не будет предполагать, что чтение героических романов может быть еще вреднее. В Бухаре во времена эмира Мир-Хайдара⁹² было запрещено публичное чтение героической поэмы Абу-Муслим⁹³, потому что слушатели в фанатическом экстазе отправлялись толпами в Персию, чтобы там в войне за веру принять блаженную смерть шейдов (мучеников).

Вот те плоды, которые может дать киргизам татарское просвещение. Чудовищная фантастика, мертвая схоластика и ни одной реальной мысли. К этим вопиющим явлениям для полноты картины

нужно присоединить еще то обстоятельство, что вся эта <мертвечина, долбление текстов из Корана на арабском языке без всяких комментариев и переводов и заучивание на память всякой схоластической ерунды> вбивается киргизским детям не иначе, как палкой. «Тело твое, – говорят обыкновенно киргизы муллам, отдавая детей своих в учение, – кости мои»⁹⁴.

В «Северной пчеле»⁹⁵ 1860 года один молодой киргиз г. Бабаджанов⁹⁶ описал необыкновенно ярко учение в татарских школах Букеевской орды. Факт этот замечателен, тем более что г. Бабаджанов в качестве потомка Магомета и корреспондента «Северной пчелы», – ярый магометанин и, по-видимому, не враг татарского просвещения.

Начальство наше до сих пор мало обращало внимания на умственное образование киргиз и, жарко преследуя баранту, конокрадство и вообще дисциплинируя киргизский народ, не имело времени следить за действием мулл и странствующих дервишей. Но дело еще можно поправить, и реакция еще возможна...

Вероятно, причиной, побудившей правительство дела о браках и разводах предоставить муллам, был грубый обычай киргиз отдавать дочерей своих в замужество в слишком юных летах и большей частью без их согласия. Киргизы сговаривали детей своих иногда в колыбели.

Нам кажется, что обычай этот мог быть изменен и без участия мусульманского духовенства:

следовало только предписать старшим султанам и управителям, под страхом ответственности, иметь строгое наблюдение, дабы киргизы не выдавали дочерей ранее таких-то лет, дабы отцы не принуждали своих сыновей и дочерей вступать в супружество без личного их согласия и проч.

Полицейский надзор и дух времени сделали бы свое дело, но, конечно, не скоро. Баснословное количество жалоб, поступающих и теперь по брачным делам, показывает, что мусульманский шариат был совершенно бессилён против силы укоренившегося обычая.

Принимая во внимание изуверство и невежество татар, исключительно занимающих должности мулл в нашей степи, и вредное влияние всякого ультраклерикального направления на социальное развитие народов, мы находим, что для ослабления влияния мулл и для умерения религиозного фанатизма следовало бы, согласно просьбе народа, дела о браках и разводах предоставлять по-прежнему суду биев, тем более, что брак у магометан не есть таинство.

Преобладание теологического духа и в Европе проявлялось в народном развитии самым бедственным образом.

Об административной реформе пока еще нет речи, и потому мы не будем теперь затрагивать этот, по многим причинам, щекотливый для нас предмет. Административный вопрос для нас, киргиз, имеет слишком большой интерес, чтобы говорить о нем

вскользь. Мы полагаем, однако, что частное управление Оренбургской степи при административной реформе наших областей может быть с большей пользой принято в соображение, как уже испытанное в продолжение многих лет. Оренбургское начальство, вероятно, имело время заметить его достоинства и недостатки. Самый капитальный недостаток Оренбургского степного управления, конечно, заключается в том, что ордынские чиновники назначаются там не по выборам народа, а по усмотрению пограничного начальства. Право выбора самих властей, предоставленное нам, среднеордынцам, есть такое право, которым мы не можем не дорожить, хотя пользуемся им теперь и дурно, и нечестно.

Неправилен с научной точки зрения и тягостен для народа кибиточный сбор⁹⁷, собираемый с зауральских киргиз. Хотя налог этот не выдерживает самой поверхностной критики, но некоторые наши пограничные администраторы по каким-то узким соображениям увлекались им до того, что думали ввести подымную [подать]⁹⁸ и в нашу степь. Нет сомнений, что ясак⁹⁹, платимый сибирскими киргизами по числу скота, есть единственно возможная и вполне правильная, по новейшим теориям налога, подать, которая может быть без отягощения наложена на кочевников.

28 февраля 1864 г.

Омск

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

¹ Полное имя Чокана Валиханова – Мухаммед-Ханафия. Чокан – прозвище, которое дала ему мать.

² Из многочисленной литературы, посвященной Ч. Валиханову за последние десятилетия и содержащей различные оценки его воззрений, можно назвать: *Лурье А.* Чокан Валиханов – первый казахский ученый и просветитель // Исторический журнал (Москва). 1943. № 11–12; *Айдарова Х. Г.* Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1945; *Булатов С. Я.* К вопросу о государственных и правовых воззрениях Чокана Валиханова // Вестник АН КазССР. 1956. № 3(132); *Бейсембиев К.* Из истории общественной мысли Казахстана второй половины XIX века (Ч. Валиханов, И. Алтынсарин). Алма-Ата, 1957; *Муқанов С. М.* Чокан Валиханов. Алма-Ата, 1958; *Дюков Л. В.* Чокан Валиханов как последователь Н. Г. Чернышевского // Ученые записки КазГУ им. С. М. Кирова. Т. 49. Сер. юридическая. Вып. 6. Алма-Ата, 1960; *Ауэзов М. Ф. М.* Достоевский и Чокан Валиханов // Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961; *Зиманов С. З., Атишев А. А.* Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата, 1965; *Сегизбаев О. А.* Исследователь, мыслитель: (О Ч. Ч. Валиханове). Алма-Ата, 1974; *Атишев А. А.* Социологические и государственно-правовые взгляды Ч. Ч. Валиханова: Материалы к лекциям по истории государства и права СССР. Алма-Ата, 1979; *Стрелкова И.* Валиханов («Жизнь замечатель-

ных людей»). М., 1983; *Маргулан А. Х.* Очерк жизни и деятельности Ч. Ч. Валиханова // *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 9–77; *Касымжанов А. Х., Уразбеков А.* Чокан Валиханов – ученый и мыслитель // Вопросы философии (Москва). 1984. № 5; *Сатыбекова С. К.* Чокан Валиханов и проблемы культуры (к 150-летию со дня рождения) // Философские науки (Москва). 1985. № 6; *Сартаев С. С., Ударцев С. Ф.* Ч. Ч. Валиханов – ученый-востоковед, мыслитель, демократ (К 150-летию со дня рождения) // Советское государство и право (Москва). 1986. № 7; *Сатпаева Ш. К.* Чокан Валиханов и русская литература: историко-филологические очерки. Алма-Ата, 1987; *Бурабаев М. С., Сегизбаев О. А.* Идейные связи общественно-философской мысли Казахстана и России (вторая половина XVIII – начало XX века). Алма-Ата, 1987; Чокан Валиханов и современность: Сб. матер. Всесоюзной науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова / Отв. ред. Ж. М. Абдильдин. Алма-Ата, 1988; *Сарсембаев М. А.* Международно-правовые отношения государств Центральной Азии. Алматы, 1995. С. 56–62; *Усеинова Г. П.* Государственно-правовые взгляды Ч. Ч. Валиханова: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Алматы, 1996; *Сегизбаев О. А.* Ч. Валиханов – основоположник казахского просвещения // *Сегизбаев О. А.* Казахская философия XV – начала XX века. Алматы, 1996. С. 213–302; *Ударцев С. Ф.* Политические и правовые взгляды Чокана Валиханова // Чокан Валиханов. Записка о судебной реформе / Вступит. ст. и примеч. С.Ф. Ударцева. Алматы: ВШП «Әділет», 1999. С. 5–24. *Стрелкова И. И.* Валиханов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Мол. гвардия, 2004. – 295 [9] с. (Жизнь замечат. людей: Сер. биогр.; Вып. 871); *Зиманов С., Атишев А.* Политические взгляды Чокана Валиханова // *Зиманов С. З.* Полное собр. соч. 10 томов. Алматы: «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. III том. – С. 6–263;

Абдильдин Ж., Абдильдина Р. Чокан Валиханов – великий ученый и мыслитель. Астана: Фолиант, 2015. – 192 с. и др.

Из художественных произведений следует обратить внимание на интересный роман: Шахимарден. Скрытый хан. Алматы, 1999. – 286 с. Этот роман написан от лица султана Чокана Валиханова. Многие факты и гипотезы биографии, черты творчества ученого, путешественника и мыслителя XIX в. в произведении одного из крупных современных казахских писателей получили интересную интерпретацию и развитие.

³ См.: *Галиев В. З.* Ссылные революционеры в Казахстане (вторая половина XIX века). Алма-Ата, 1978. С. 22. См. также: *Маргулан А.* Очерк жизни и деятельности Ч.Ч. Валиханова // Валиханов Ч.Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. Алма-Ата, 1984. С. 15–16. Не исключено, что главной причиной пристального внимания к полковнику Валиханову явились контакты с ним друзей и знакомых сына – Ч. Ч. Валиханова.

⁴ В свое время А.Х. Касымжанов писал, не без тени упрека семье Чокана Валиханова, что он «родился в семье, где традицией, начиная с деда Вали (внука хана Аблая), последнего хана Среднего Жуза и бабки Айганым, была прорусская, коллаборационистская ориентация» (*Касымжанов А.Х.* Чокан Валиханов // Портреты: Штрихи к истории Степи. Вып. 1. Алматы: Университет «Кайнар», 1995. С. 60). Кстати, А.Х. Касымжанов ошибался, называя деда Чокана Валиханова Вали внуком хана Аблая (Вали – его сын, а внуком был отец Чокана – Чингис Валиханов). Об Аблае см., напр.: *Кусаинов А.К.* Аблай // История Казахстана в лицах (Политические портреты). Вып. 1 / Под ред. В.К. Григорьева и А.К. Кусаинова. Астана, 1999.

⁵ Г. Н. Потанин вспоминал: «Впервые я узнал о Бакунине в Омске, когда его провозили из Шлиссельбурга в Томск. Гасфорд пожелал видеть его, и Бакунина из тюремного замка

привезли в генерал-губернаторский дом. Дежурным в квартире начальника края был мой друг Чокан, который в один из ближайших следующих дней поторопился приехать ко мне и рассказать об этом событии. В прихожую генерал-губернаторского дома, в сопровождении вооруженного конвоя, вошел высокий господин в мохнатой медвежьей шубе. Когда он снял шубу, Чокан провел его в кабинет начальника края. Состоялась многозначительная встреча двух русских людей, принимавших участие в судьбах австрийской империи, из которых один бился в рядах революционеров, а другой в рядах их противников. Знаменитый ссыльнопоселенец во время свидания держался с достоинством, беспримерным в залах генерал-губернаторского дома». См.: Литературное наследство Сибири. Т. 6. Григорий Николаевич Потанин. Воспоминания. Новосибирск, 1983. С. 87. Кстати, Бакунин был племянником генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского. В связи с этим, в частности, Гасфорд позволял себе оказывать некоторые услуги ссыльному племяннику своего коллеги. Не исключено, что посредником в таких случаях мог быть и Ч. Валиханов.

Подробнее см., например: *Ударцев С.* Тайны писем М. А. Бакунина // Простор. 1989. № 5; *Он же.* Связи Чокана Валиханова с русской революционно-демократической эмиграцией // Чокан Валиханов и современность: Сб. материалов Всесоюзной научной конференции, посвящ. 150-летию со дня рожд. Ч.Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1988 и др.

⁶ См.: *Реклю Э.* Земля и люди. Всеобщая география: 19 томов в 10 книгах. Кн. 4. Спб., 1898. Т. 6. С. 296, 615; Т. 7. С. 115. Подробнее см.: *Ударцев С. Ч. Ч. Валиханов во «Всеобщей географии» Э. Реклю // Простор. 1985. № 9.*

Интересно, что в подготовке этих томов географии Реклю и, видимо, тех разделов, где упоминается Ч. Валиханов, участвовали русские ученые-эмигранты П. А. Кропоткин и

Л. И. Мечников, а также знакомый Валиханова М. И. Венюков. В Санкт-Петербурге в архиве Географического общества Российской Федерации сохранилось письмо М. И. Венюкова Н. М. Пржевальскому от 3–15 июня 1881 г., проливающее определенный свет на историю создания шестого и седьмого томов работы Реклю, а также на роль в этом деле автора письма. Венюков писал, что в его библиотеке Реклю «набрал. . . главные материалы для VI и VII томов, большею частью также бывшие ему неизвестными. Вот как легко заграничным ученым отдаются материалы, а затем слава и деньги. Реклю платит своим русским сотрудникам (Драгоманову, Кропоткину, Мечникову) по 3000 фр. в год и, имея от меня даром источники, зарабатывает в год от 100 до 150 000 франков и скоро станет миллионером» (Архив ГО РФ (Санкт-Петербург). Ф. 13, оп. 2, № 41. Л. 7 об.). Кстати сказать, П. А. Кропоткин всегда с большим уважением отзывался об Элизе Реклю.

⁷ Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Пушкинский дом). Ф. 141 (Собрание М. А. Васильева). № 60. Л. 2-2 об. В оригинале письма написано «Чукан Валиханов». См. также: *Сартаев С.С., Ударцев С.Ф.* Валиханов Ч.Ч. – ученый-востоковед, мыслитель, демократ (К 150-летию со дня рождения) // Советское государство и право. 1986. № 7. С. 125–126.

⁸ Кстати, в словаре псевдонимов И. Ф. Масанова значится и один псевдоним Ч. Ч. Валиханова. См.: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 90 (фамилия и имя при этом указаны неточно).

⁹ В книге «Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского» со ссылкой на архив АН СССР в свое время была напечатана любопытная записка Ч. Валиханова, якобы написанная непосредственно после встречи его с

Чернышевским, которая содержит восторженный отзыв о Чернышевском (См.: *Чернышевская Н. М.* Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского. М., 1953. С. 232). Однако эта записка Валиханова до сих пор не найдена или место ее нахождения забыто. Во всяком случае, она не вошла в оба издания сочинений Валиханова, хотя выяснение вопроса о ней могло бы уточнить некоторые взгляды мыслителя. Эта записка иногда цитируется в работах о Н. Г. Чернышевском. См.: *Скрипильев Е. А.* Чернышевский. М., 1979. С. 8.

¹⁰ См., например: *Лурье А.* Чокан Валиханов – первый казахский ученый и просветитель // Исторический журнал. 1943. № 11–12. С. 31; *Маргулан А.* Новые письма Валиханова // Жулдыз. 1960. № 2. С. 146; *Зиманов С. З., Атишев А. А.* Политические взгляды Чокана Валиханова. С. 146.

О некоторых связях Ч. Ч. Валиханова с российской эмиграцией и, в частности, о его знакомстве с полковником из Иркутска Н. В. Соколовым, бывшим в 1860 г. за границей и неоднократно встречавшимся там с А. И. Герценом и П. Ж. Пруденом (по рекомендательному письму Герцена), см., например: *Ударцев С. Ф.* Связи Чокана Валиханова с русской революционно-демократической эмиграцией // Чокан Валиханов и современность. Алма-Ата, 1988.

¹¹ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 4. Алма-Ата, 1968. С. 53.

Не исключено, что желание ехать в Париж возникло у Валиханова после возвращения в Петербург из-за границы его знакомого Н. В. Соколова – старшего адъютанта генерального штаба войск Восточной Сибири – соседнего с Омском генерал-губернаторства. Летом – осенью 1860 г. Соколов был за границей. Во второй половине июля – до 21 августа он бывал в Лондоне у Герцена. Затем Герцен написал письмо П. Ж. Прудону, в котором рекомендовал

Соколова как «личность весьма интересную» и «большого почитателя» Прудона. В сентябре 1860 г. Соколов почти ежедневно бывал у Прудона. Вернувшись в Петербург в середине сентября, он провез с помощью кронштадских моряков контрабанду – запрещенные книги (См.: *Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 – июнь 1864. М., 1983. С. 138–139.*) Кстати, среди знакомых Валиханова изучали работы анархиста и реформиста Прудона Курочкин, Михайлов, Шапов. О Н. В. Соколове см. также: *Кузнецов Ф. Публицисты 1860-х годов: Круг «Русского слова». Григорий Благосветлов, Варфоломей Зайцев, Николай Соколов. М., 1969; 2-е изд. М., 1981; Соколов Н. В. Отщепенцы // Шестидесятники / Сост. и автор вступ. статьи Ф. Ф. Кузнецов; Примеч. В. С. Лысенко. М., 1984. С. 166–304.*

¹² См., например: *Стрелкова И. Валиханов. М., 1983. С. 208.*

¹³ Подробнее см.: *Кун М. Материалы о русской революционной эмиграции в дневниках и переписке Дюлю Танарки (1854–1864 гг.) // Эпоха Чернышевского. Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг. М., 1978. С. 235. См. также: Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1859 – июнь 1864. М., 1983. С. 175.*

¹⁴ *Валиханов Ч.Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 571.*

¹⁵ См.: *Алаш-Орда: Сб. документов / Сост. Н. Мартыненко. Алма-Ата, 1992. С. 50. С Г. Н. Потаниным в 1913 г. хорошо был знаком, например, Жакып Акпаев. См.: *Кул-Мухаммед М. Жакып Акпаев. Патриот. Политик. Правовед. Политико-правовые взгляды Ж. Акпаева. Алматы, 1995. С. 27–28; Он же. Формирование и развитие государственно-правовых идей лидеров Алаш-Орды. Алматы: Атамұра, 1999. См. также: *Букейхан Алихан. Избранное. Алматы: Главная редакция «Қазақ энциклопедиясы», 1995; Аккудулы С. Жизнь и смерть лидера Олаш-Орды // Нива. 2001. № 6;***

Чокай Мария. Я пишу Вам из Ножана... Алматы: Кайнар, 2001.

¹⁶ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. Алма-Ата, 1985. С. 150.

¹⁷ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч.: В 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1984. С. 239.

¹⁸ См., например: *Ударцев С. Ф.* Кропоткин. М., 1989. С. 67 и др.; [*Он же.*] Бакунин Михаил Александрович. Кропоткин Петр Алексеевич // *Федерализм: Энциклопедический словарь.* М., 1997. С. 25–26, 117–119 и др.

¹⁹ См. подробнее: *Виленский Б. В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 г. в России. Саратов, 1963; *Днепров Э. Д.* Проект устава морского суда и его роль в подготовке судебной реформы (апрель 1860 г.) // *Революционная ситуация в России в 1859–1861 гг.* М., 1970. С. 57–70; *Афанасьев А. К.* Пресса 1862–1866 гг. о введении суда присяжных в России // *Проблемы истории.* М., 1978. С. 72–84; *Чернуха В. Г.* Проблемы внутренней политики в русской публицистике 60–70-х гг. XIX в. // *Общественная мысль в России XIX в.* Л., 1986. С. 132–158; *Черкасова Н. В.* Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е годы XIX в. М., 1987.

²⁰ О судебной реформе в России в 1860-х гг. см.: *Виленский Б. В.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Судебная реформа.* Т. 8. М., 1991.

²¹ Неофициальное название монеты «Семейный». Тираж – менее 100 экз. Данная монета – одна из наиболее редких и самых дорогих нумизматических ценностей России. Стоимость такой монеты по каталогу в начале 1990-х годов оценивалась в \$ 5000. См.: *Рылов И., Соболин В.* Монеты России и СССР: Каталог. *Rylov I., Sobolin V.* Russian and

soviet coins: Catalogue. М., 1993. С. 126. В данном каталоге Николай I по ошибке назван Николаем II.

²² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 497.

²³ На это обстоятельство, хотя и несколько односторонне, обратил внимание К. Бейсембиев. См.: *Бейсембиев К.* Очерки истории общественно-политической и философской мысли Казахстана (дореволюционный период). Алма-Ата, 1976. С. 121.

²⁴ См.: *Байтурсынов А.* Еще раз о народном суде // Ваше право: Еженедельное приложение к «Юридической газете». 1997. 17 янв. С. 4. О суде биев см. также: *Зиманов С. З.* Казахский суд биев – уникальная судебная система. Алматы: Атамұра, 2008 – 224 с.; Он же. Казахский суд биев – общекультурная ценность. Алматы: Изд-во «Арыс», 2009. – 408 с.; *Зиманов С. З.* Полное собрание сочинений. 10 томов. Алматы: «Медиа-корпорация «ЗАҢ», 2009. X том. – 496 с. / Руководитель проекта – Сафинов К. Б.

О формировании нового подхода к оценке политических и правовых воззрений Ч. Валиханова. См. также, напр.: *Ударцев С.Ф.* Он был источником научных идей // В кн.: Гражданин и выдающийся ученый, академик Зиманов Салык Зиманович. Юбилейный сборник. Алматы: Атамұра, 2001. С. 181.

²⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 514.

²⁶ См.: там же. С. 496.

²⁷ См.: там же. С. 499.

²⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 4. С. 67. Ответное письмо А. Н. Майкова Ч. Ч. Валиханову от 10 февраля 1863 г. опубликовано И. Г. Ямпольским в книге: Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1975 год. Ленинград, 1977. С. 115–119. Естественной реакцией западника А. Н. Май-

кова на письмо друга явилось предложение Валиханову перебраться в Петербург и жить там, выезжая периодически в Степь, чтобы делать возможное для ее развития (например, для открытия гимназии), и в то же время для того, чтобы иметь больше возможностей для научного творчества. «... Не знаю, что Вы можете сделать у себя, – писал, в частности, А. Н. Майков 10 февраля 1863 г., – но для себя и для Европы несказанно много! А уж об России и говорить нечего! Чтобы Вам быть полезным для своего народа – извините, у Вас к тому вряд ли есть способности, а именно Вы слишком образованы и учены для своей среды, а кроме того, совсем непрактичны. Последнее – главное. Ведь среда заест, а Вы едва ли будете на кого-нибудь иметь влияние. Лучшее, что можете сделать, – это хлопотать об учреждении гимназии в степи – если хоть дворянство к этому приготовлено и желает, а хлопотать надо в Петербурге. Вообще, по всем моим соображениям, Вы должны быть здесь. Хоть скверное место – да нечего делать – устройте так дела, чтобы получать здесь из дому деньги на прожиток, да и приезжайте сюда. Другое дело, если б Вы там в Азии состояли на службе, если б с Вашими идеями совпали дальнейшие действия в Средней Азии и клонились бы к обоюдной выгоде народов, но ведь Вы, кажется, совсем в стороне и ничем таким не занимаетесь.

. . . Ведь Вы отчасти тоже философ – вот почему сомневаюсь, чтоб могли быть полезным деятелем дома: Вы еще не нужны там, то есть там нужны двигатели закала попроще, а Вы уж, как ни вертитесь, принадлежите Европе. Совмещая в себе цвет европейской образованности и науки с ученостью Востока, Вы должны Европу знакомить с Азией, а для Азии ничего не сделаете, разумеется, покамест. А звено между Азией и Европой – Россия. Вы и должны на нее смотреть как на разумное поприще для Вашей умственной

деятельности. Еще время не пришло для Ваших родных степей, чтобы им нужны были деятели такие, как Вы. Вы очень воздержаны в описании того, что Вы делаете, но я вижу Вашу жизнь, друг мой! Вижу и глубоко за Вас страдаю! Не смейтесь надо мною: я горячо полюбил Вас! Да и не я один!» (С. 115–116).

Следует отметить, что образованность казахского общества несколько недооценивалась русской интеллигенцией, отчасти в связи с определенным разрывом в культурных традициях Запада и Востока и различием в религии, а также в связи с тем, что образование казахских мальчиков осуществлялось муллами и не на русском языке. Так, в 1863 г. в Казахстане у мулл обучалось 1860 мальчиков-казахов. Всего же в 1862 г. «кочевых инородцев» в Казахстане насчитывалось, по официальным сведениям, 184 175 душ обоих полов, то есть один обучающийся приходился примерно на 100 человек населения. В тот же период, например, из детей казачества в Казахстане в 11 степных стационарных школах всего обучалось 210 мальчиков. Казачества насчитывалось 17 582 души обоих полов, или на 100 человек приходилось 1,2 учащихся. См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 2 / Сост. Генерального штаба подполковник Красовский. Спб., 1868. С. 458–460. Более значительная разница начиналась на следующих ступенях образования, во многом в связи с тем, что обучение в высших и средних специальных заведениях велось на русском языке и предполагало определенную преемственность с предшествующими ступенями общего образования. О религиозном образовании до 1917 г. в Казахстане см. также: *Галиев В.З.* Тюркская библиотека в Верном. Алматы, 2001.

²⁹ *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 1. Алма-Ата, 1961. С. 499.

³⁰ Там же. С. 494.

³¹ Там же. С. 496.

³² См.: там же. С. 497.

³³ Там же. С. 511.

³⁴ Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1 / Сост. генерального штаба подполковник Красовский. Спб., 1868. С. 406.

³⁵ Милль Д. С. Система логики силлогической и индуктивной // Западноевропейская социология XIX века. О. Конт. Д. С. Милль. Г. Спенсер / Под общей ред. В. И. Добрянкова. М., 1996. С. 247.

³⁶ Это положение Ч. Валиханова также созвучно идеям не только исторической школы права, но и Д. С. Милля, писавшего, что «мы никогда не можем с уверенностью утверждать, что причина, обнаружившая известную тенденцию у одного народа или в одну эпоху, будет обнаруживать ту же тенденцию и у другого народа или в другую эпоху: мы должны возвратиться к нашим посылкам и снова проделать для второй эпохи или нации тот анализ всей совокупности влияющих на них обстоятельств, какой мы проделали уже для первой эпохи или нации» (Милль Д. С. Указ. соч. С. 247.).

³⁷ Исследователи казахского обычного права позднее отмечали, что с конца XVIII – начала XIX в. телесные наказания получили широкое распространение в отношении немущих, как и имущественные взыскания применительно к имущим. См.: Фукс С. Л. Обычное право казахов в XVIII – первой половине XIX века. Алма-Ата, 1981. С. 113.

См. также полную публикацию этого исследования высшей ступени развития системы казахского обычного права: Фукс С. Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. / Под общей ред.

С. Ф. Ударцева / Предисловие – С. Ф. Ударцев и Н. О. Дулатбеков (на русском и казахском языках). Вступительная статья – Ш. В. Тлепина. Комментарии и подготовка текста – К. А. Алимжан, Ш. В. Тлепина, С. Ф. Ударцев / Приложение к Ежегоднику истории права. Астана /СПб.: ТОО «Юридическая книга Республики Казахстан» / ООО «Университетский издательский консорциум «Юридическая книга», 2008. – 816 с. См. также материалы международной конференции о казахском суде биев: Қазақтың ата заңдары: Құжаттар, деректер және зерттеулер – Древний мир права казахов. Материалы, документы и исследования. 10 томдық. / Бағдарлама жетекшісі: Зиманов С. З. Қазақша, орысша, түрікше, ағылшынша. Алматы: Жеті жарғы, 2009. 10-том. 592 б.

О взглядах Валиханова на обычное право см. также: Сапарғалиев Г. С. О правовых взглядах Ч. Ч. Валиханова // Чокан Валиханов и современность. С. 129–139.

³⁸ Таукелев А. Н. Чокан Валиханов о понятии барымты // Чокан Валиханов и современность. С. 139.

Чокан Валиханов ЗАПИСКА О СУДЕБНОЙ РЕФОРМЕ

³⁹ «Записка о судебной реформе» написана Ч. Ч. Валихановым в Омске, закончена 28 февраля 1864 г. Впервые работа опубликована востоковедом, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, профессором Н. И. Веселовским (кстати, в литературе о Ч. Валиханове его нередко путают с историком, профессором Петербургского университета, академиком А. Н. Веселовским) в 1904 г. в «Записках Русского географического общества» (Т. 29. С. 151–178). В дальнейшем неоднократно переиздавалась в собраниях сочинений и избранных произведениях мыслителя. Здесь печатается по изданию: *Валиханов*

Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1 / Редколлегия: М. О. Ауэзов, С. Б. Баишев, А. Х. Маргулан (отв. ред.), С. М. Муканов, К. И. Сатпаев. Алма-Ата, 1961. С. 494–523.

В подготовке текста «Записки о судебной реформе» в издании 1961 г. принимал участие академик А. Х. Маргулан. Под его руководством были подготовлены и примечания к данному произведению. Именно по изданию 1961 г. осуществлялось переиздание работы в Собрании сочинений мыслителя в 1985 г. (См.: *Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Т. 4.* Алма-Ата, 1985. С. 402). В издании 1985 г. текст работы также был подготовлен академиком А. Х. Маргуланом, а в дополнении примечаний участвовали член-корреспондент НАН РК Б. Е. Кумеков и др. (см.: Там же. С. 6). В настоящем издании примечания подготовлены заново, при этом по возможности учтены примечания Собрания сочинений.

Угловыми скобками отмечены места, которые отсутствовали в первом издании работы – в публикации ее профессором Н. И. Веселовским (1904) и которые были зачеркнуты автором или восстановлены академиком А. Х. Маргуланом по рукописным копиям. Незначительные поправки (вставки) в тексте отмечены квадратными скобками.

⁴⁰ Ч. Валиханов справедливо отмечал тесную взаимосвязь административной и судебной реформ. Подробнее о реформах этого периода см.: Административное устройство и право Казахстана – внутренней колонии царской России – по реформам 60–90-х годов XIX века / Авторы отдельных параграфов: Г. С. Сапаргалиев и К. А. Жиренчин // История государства и права Казахской ССР / Под общей ред. С. С. Сартаева. Алма-Ата, 1982. С. 121-152. См. также: *Жиренчин К. А. Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX веков.* Алматы: Жеті жарғы, 1996.

⁴¹ *Яценко Иван Еремеевич* – чиновник областной администрации (Областного правления оренбургскими ка-

захами), который назначался председателем комитета по составлению свода казахских законов. С этой целью организовывались поездки в степь для сбора материалов по казахскому обычному праву, записи правовых обычаев, изучения мнения биев, баев, султанов. Ч. Валиханов, как видно из настоящего произведения, относился критически к результатам деятельности Яценко как не вполне отражающей интересы казахского народа в целом.

⁴² *Милль (Mill) Джон Стюарт* (1806–1873) – английский философ, историк, экономист и политический мыслитель, основоположник английского позитивизма. В 1865–1868 гг. – член палаты общин английского парламента. Стронник либерализма, сам считал себя сторонником умеренного социализма без революционного насилия. Одним из первых пропагандировал равноправие мужчин и женщин. Развивал идеи ограниченного вмешательства государства в сферу экономики, ограничения крупной собственности, полученной без применения труда. Противник неограниченной власти и в форме монархии, и в виде демократии, сторонник защиты свободы личности. Автор таких политических произведений, как «О свободе», «Мысли о парламентской реформе» (1859), «Представительное правительство» (1861), «Угнетение женщин» (1869) и др. Взгляды Милля оказали определенное влияние на Валиханова, отчасти под влиянием работ Н. Г. Чернышевского.

В московском издании избранных произведений, подготовленных казахстанскими авторами, видимо, сделан ошибочный упрек Валиханову в том, что он, говоря в данном случае о Милле, спутал отца и сына. См.: *Валиханов Ч.* Избр. произведения. М., 1986. С. 381. Очевидно, как раз Ч. Валиханов никакой путаницы не допустил.

⁴³ М. С. Бурабаев и О. А. Сегизбаев справедливо отмечают, что в данном случае Ч. Валиханов пересказывает мысль

Милля в ее изложении в одной из работ Н. Г. Чернышевского. См.: *Бурабаев М. С., Сегизбаев О. А.* Идеиные связи общественно-философской мысли Казахстана и России (вторая половина XVIII – начало XX в.). Алма-Ата, 1986. С. 69.

⁴⁴ *Сперанский Михаил Михайлович* (1772–1839) – граф, выдающийся государственный деятель и юрист, систематизатор и реформатор законодательства России первой половины XIX в. В период царствования Александра I – один из главных идеологов и авторов многочисленных законопроектов о либеральных государственных преобразованиях, один из ближайших советников императора. В 1812–1816 гг. – в ссылке. В 1819–1821 гг. – генерал-губернатор Сибири. При императоре Николае I – фактический руководитель подготовки Полного собрания законов Российской империи (к 1830 г. было издано 45 томов ПСЗ) и Свода законов Российской империи. Под его руководством подготовлен «Устав о сибирских киргизах», утвержденный в июне 1822 г. Среди его ближайших сотрудников по реформам в Сибири был Г. С. Батеньков, участник движения декабристов. О подготовке «Устава о сибирских киргизах» и его оценках см., например: *Жиренчин К. А.* Политическое развитие Казахстана XIX – начале XX века. Алматы, 1996. С. 16–24 и др. О Сперанском см. также: *Чибиряев С. А.* Великий русский реформатор. Жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1989. Текст Устава см., например: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей / Под общей ред. акад. М. К. Козыбаева. Алматы, 1996. С. 399–428; *Войцеховский Е. И.* Устав о Сибирских киргизах 1822 года. Текст и комментарий. Алматы: ВШП «Әділет», 2004. – 94 с.

⁴⁵ Валиханов приводит слова из весьма популярного в России, особенно с конца 1830-х гг., «Гамлета» Шекспира. В период реформ свободомыслие и радикализм «Гамлета»

вновь активно привлекали молодежь. Об увлечении «Гамлетом» старшего поколения см.: *Ударцев С. Ф.* Рукопись М. А. Бакунина «Гамлет» // Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник 1984. Л., 1986. С. 55 – 63. См. также: *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. Ниже Валиханов еще раз использует эту фразу Гамлета.

⁴⁶ *Букеевская* (внутренняя) *орда* – казахское ханство (1801–1876), названное по имени первого хана Букея Нуралиева, образовавшееся между реками Волгой и Уралом на территории Астраханской губернии России в результате переселения на правобережье р. Урал сначала пяти тысяч, а затем еще нескольких тысяч казахских семей – первоначально на летний период кочевья, в последующем – на постоянной место жительство (в 1803 г. насчитывалось уже 7500 кибиток, а в 1845 г., по разным сведениям, – от 30 000 до более 52 000 кибиток). См.: *Зиманов С. З.* Образование Букеевского ханства // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 3. Алма-Ата, 1979. С. 128–142; *Он же.* Россия и Букеевское ханство. Алма-Ата, 1982.

⁴⁷ *Бухара* – Бухарский эмират (1747–1920) – среднеазиатское государство со столицей в г. Бухаре, ранее имевшее название Бухарское ханство. С 1868 г. – в значительной зависимости от Российской империи. Об эволюции освободительных идей в Бухаре см.: *Зиманов С. З.* От освободительных идей к советской государственности в Бухаре и Хиве. Алма-Ата, 1976.

⁴⁸ *Коканд* – Кокандское ханство (1710–1876) – среднеазиатское государство, выделившееся из Бухарского ханства. В 1860-х гг. – объект экспансии Российской империи, в состав которой оно включено в 1876 г. в качестве Ферганской области.

⁴⁹ Считается, что в Забайкалье среди бурят буддизм начал распространяться в конце XVII в. Исследователи

истории религий отмечают при этом, что в домонгольский период буддизм имел определенное распространение и в ряде мест Средней Азии. См., например: *Крывелев И. А.* История религий. Т. 2. М., 1988. С. 349–351. Высказанная Валихановым здесь оценка буддизма весьма интересна с точки зрения характеристики его взглядов на мировые религии: буддизм, христианство, ислам.

⁵⁰ В примечаниях к изданию 1961 г. внизу на с. 499 к данному Слову сделано примечание: «Искажение переписчика, должно быть: замечательную». Однако в «Записке о судебной реформе» такое выражение встречается и в другом месте. Слово же «замечательно» имеется в предыдущем абзаце, что может свидетельствовать о том, что Ч. Валиханов как блестящий стилист вряд ли использовал бы одно и то же слово так часто. Возможно, здесь он не хотел дать никакой оценки действительно замечательной народной казахской литературе, а имел в виду в какой-то мере стихийную естественную форму развития казахской литературы.

⁵¹ В данном случае Ч. Валиханов творчески применяет к истории Казахстана концепцию развития философии истории, используемую, в частности, Н. Г. Чернышевским в его работе «Критика философских предубеждений против общинного владения» и другими мыслителями 1850–1860-х гг. См.: *Чернышевский Н. Г.* Избр. философ. соч. Т. 2. М., 1950. С. 457 и др.; *Дюков Л. В.* Чокан Валиханов как последователь Н. Г. Чернышевского // Ученые записки КазГУ им. С. М. Кирова. Т. 49. Сер. юридическая. Вып. 6. Алма-Ата, 1960. С. 74–75; *Бурабаев М. С., Сегизбаев О. А.* Идеи связи общественно-философской мысли Казахстана и России (вторая половина XVIII – начало XX века). С. 80.

⁵² *Окружной приказ* – местный коллегиальный орган государственной власти в Казахстане в XIX в., наделенный административными, полицейскими, судебными и ины-

ми функциями. Председателем окружного приказа являлся ага-султан (старший султан), выбираемый на три года султанами и утверждаемый областным начальником. Об окружном приказе, его полицейской и судебной власти в этот период, а также о волостном и аульном управлении в Казахстане см., например: *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 3 / Сост. Генерального штаба подполковник Красовский. Спб., 1868. С. 174–184.*

⁵³ *Русские заседатели* – члены окружного приказа. Наряду с двумя заседателями – членами приказа, выбираемыми от «почетных казахов», его членами (заседателями) назначались областным начальником два русских чиновника.

⁵⁴ *Сотников* – А. Сотников (ум. в 1845), губернский секретарь. Учился в Казанском университете на восточном факультете. Работая при Пограничном управлении сибирских киргизов, собирал генеалогические предания и правовые обычаи казахского народа (в связи с чем в некоторых документах именуется «законщик Сотников»). Неоднократно посещал аул Валиханова. См., например: *Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова: (Сб. документов). Алматы, 1996. С. 268.*

⁵⁵ О различных версиях происхождения и названия казахского народа. См., например: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 4. С. 403 (примечание 11); *Левшин А.И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. С. 135–155, 431 (комментарии) и др. Левшин отметил, в частности, что еще Фирдоуси (ок. 940–1020 или 1030) «в «Истории Рустема» упоминает о народе казаках и ханах казакских» (с. 152); *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1. С. 13–20; Ибрагимов С. К.* Еще раз

о термине «казах» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана: Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР им. Ч. Ч. Валиханова. Т. 8. Алма-Ата, 1960; *Қумекөв Б. Е.* Образование казахской народности // История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2. Алма-Ата, 1979. С. 251–255; О происхождении казахов // *Асфендияров С.* История Казахстана (с древнейших времен). Алма-Ата, 1993. С. 91, 93 и др.; *Казак*: слово и этноним // *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992; *Амрекулов Н., Масанов Н.* Казахстан между прошлым и будущим. Алматы, 1994. С. 180–184; *Нуров К. И.* Правовая и экономическая модернизация традиционной структуры Казахстана (XIX–XX вв.). Алматы, 1995. Гл. 2. Разд. 1; Казахи: Десятитомный популярный справочник. Алматы, 1998 (в том числе: т. 9. Библиография); История Казахстана: народы и культуры / *Масанов Н.Э.* и др. Алматы: Дайк-Пресс, 2001 (Ч. 1. Гл. 1–3).

⁵⁶ Точнее – *каракисекский род* – подразделение племени аргын, состоявшее из отдельных родов, с древних времен проживавших в Каркаралинской степи и расселившихся на востоке до р. Иртыш, на западе – до водоразделов рек Сарысу и Моинты, на юге – примыкая к оз. Балхаш. См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 4. С. 403. О разделении казахского населения на роды по данным на 1860-е гг. См., например: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1. С. 329–386. См. также: *Амрекулов Н., Масанов Н.* Казахстан между прошлым и будущим. С. 185–188; *Масанов Н.* Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество // Вестник Евразии (независимый научный журнал) (Москва). 1996. № 1. С. 47–50.

⁵⁷ *Бий Казбек* (1667–1763) – знаменитый казахский бий, участвовавший в числе семи биев при хане Тауке в составлении свода обычного права «Жеті жарғы». «Совет» известных биев был созван вблизи местечка «Ханабад» в Куль-Тобе на берегу р. Ангрэн в Сырдарьинской области. Похоронен в мавзолее Ясави. См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. С. 165, 497; *Усеров Н.* Исследование правового памятника «Жеті Жарғы»: Автореф. дис. ... канд. юр. наук. Алма-Ата, 1977. С. 18. См. также: *Созакбаев С.* Тауке хан. Жеті жарғы (Танымдық адибиет). Алматы, 1994; *Гиздатов Г.* Биі Қазақстана. Қазыбек Кельдибекулы // Фемида. 1996. № 5. С. 26–28; *Казыбек би.* Энциклопедия / Гл. ред. Н. Дулатбеков, отв. ред. М. Хамзин. Караганды: «Болашақ – Баспа», 2013. – 696 с.

⁵⁸ *Карджасский род* (правильнее: каржасский) – казахский род, живший восточнее г. Караганды, южнее и юго-западнее Баян-Аульских гор. См.: *Валиханов Ч. Ч.* Собр. соч. Т. 4. С. 403.

⁵⁹ *Абулхайр* (1693–1748) – казахский хан Младшего жуза (с 1710 г.). Возглавлял общеказахское войско в период защиты от джунгар. После завоевания джунгарами Южного Казахстана вел с российским правительством переговоры об оказании помощи и вступлении казахов Младшего жуза в российское подданство. 19 февраля 1731 г. императрица Анна Иоанновна подписала грамоту хану Абулхайру и «все-му казахскому народу» о принятии в российское подданство. 7 октября 1731 г. эта грамота была вручена Абулхайру в его резиденции.

О казахских ханах см., напр.: *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001; *Ерофеева И.В.* Казахское ханство и власть в традиционном обществе казахов // В кн.: Масанов Н.Э.,

Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В., Алексеенко А.Н., Баратова Г.С. История Казахстана: народы и культуры. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 113–190.

⁶⁰ *Тулөбий – Толө-бий Алибекулы* (1663–1756), знаменитый казахский бий из Старшего жуза. В период объединения казахских жузов занимал должность верховного, главного судьи. После распада объединенного Казахского ханства управлял Средним жузом. Видный знаток и толкователь казахского обычного права, один из составителей свода обычного права «Жеті жарғы». См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. С. 165, 172, 173, 486, 487, 620. См. также: *Мыңбатырова Н.Ә.* Төле бидің соттың шешімдері және қазақтың әдет-ғұрып құқығы. Заң ғылымдарының кандидаты ғылыми дәрежесін алу үшін жазылған диссертацияның авторефераты. Алматы, 2003. Различные редакции «Жеті жарғы» см., напр.: *Узбекулы Сакен.* Хан Тауке и правовой памятник «Жеті жарғы». Алматы: Өркениет, 1998. С. 80–84; *Султанов Т.И.* Поднятые на белой кошме. Потомки Чингиз-хана. Алматы: Дайк-Пресс, 2001. С. 233–239 (из публикаций Г. Спасского, А. Левшина).

О казахском обычном праве см. также, напр.: *Алимжан К. А.* Обычное право и другие формы права // Научные труды КазГЮУ. Вып. 1. Алматы: КазГЮУ, 1999. С. 103–188; *Он же.* Вопросы теории обычного права. Алматы, 2003; *Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования: В 10 т. Т. 1.* / Под ред. С.З. Зиманова. Алматы: Жеті жарғы, 2001; *То же.* Т. 2. Алматы: Жеті жарғы, 2003; *Абайдильдинов Е.М.* Соотношение международного и национального права Республики Казахстан (проблемы становления приоритетности). Алматы: Қазақ университеті, 2002; *Өзбекұлы С.* Көшпелі қазақ өркениетіндегі құқық. Право кочевой цивилизации казахов. Монография. Алматы: Мектеп,

2002; *Путинцев А.* Қазақтың заңдары туралы / Құраст. ауд. Қ. Әлімжан. Алматы: «Интерлигал» КСКЗ ҚҚ, 2014. – 40 б.

⁶¹ *Айтек – Айтеке-бий Байбекулы (1682–1766)* – известный казахский бий, управлял Младшим жузом. Участвовал в составлении свода обычного права «Жеті жарғы» при Тауке-хане. См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких, орд и степей. С. 165; *Гиздатов Г.* Бии Казахстана. Айтеке би // Фемида. 1996. № 10; См. также: Айтеке би / Сост.: Г. Бельгер. М. Акдаулетулы. Алматы: Атамұра, 1998.

⁶² Имеется в виду «Положение Сибирского комитета о распространении на киргизов Сибирского ведомства общих законов Российской империи» от 19 мая 1854 г., касавшееся вопросов судоустройства и судопроизводства. См., например: *Жиренчин К. А.* Политическое развитие Казахстана в XIX – начале XX века. С. 33.

⁶³ *Кенесары Касымов (1802–1847)* – влиятельный казахский султан, хан Среднего жуза, внук хана Аблая. Руководитель народно-освободительного движения 1837–1847 гг. Число повстанцев в период наивысшего подъема движения в 1841–1845 гг. достигало 20 тыс. См.: *Галиев В. З.* Движущие силы народно-освободительной борьбы под предводительством Кенесары Касымова: Исторический очерк // Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова. С. 16. Подполковник Красовский, в 1860-х гг. собравший богатейшие сведения о Казахстане и его истории, отмечая выдающуюся роль Кенесары Касымова, неординарность его личности, вынужден был признать, что «неизвестно как пошли бы дальнейшие дела в подвластных нам степях, ежели бы остался в живых Кенесара Касимов». См.: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 1. С. 107–108.

⁶⁴ *Шекспир, Уильям* (1564–1616) – великий английский поэт и драматург, один из любимых писателей Ч. Валиханова. См.: *Левин Ю. Д.* Шекспир и русская литература XIX века. Л., 1988. См. также: *Диденко А.* Шекспир и право. Алматы, 1995.

⁶⁵ *Гете, Иоганн Вольфганг* (1749–1832) – великий немецкий писатель, основоположник немецкой литературы нового времени. О популярности его в России см.: *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1982.

⁶⁶ «Киргизы любят стекаться и на всякое производимое биями в каком-либо ауле судопроизводство, – писал Красовский, – тем более, что тут же, обыкновенно в тот же день и во всяком случае в присутствии суда, производится и расчет истца с ответчиком. На этой любви, на желании всегда присутствовать при решении дел, а равно на возможности, при отсутствии всяких занятий, каждому выполнить свое задушевное желание, и основывалось всегда гласное судопроизводство киргиз, несложное, непродолжительное, справедливое и совершенно понятное для народа, умевшего таким образом совершенно обойти вредный для страны бюрократический элемент, нашедший возможность и при своей неразвитости избавиться от дорого стоящей администрации; а отсюда народ, нам теперь подчиненный, имел некоторое основание считать свое неустройство лучшим, нежели наше устройство». См.: *Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов.* Ч. 3. С. 81–82.

⁶⁷ *Блекстон – Блэкстон (Blackstone), Уильям* (1723–1780) – известный английский юрист XVIII в., первый профессор права Оксфордского университета, признанный знаток английского права, автор «Комментариев к английским законам» («Commentaries on the Laws of England») в четы-

рех томах (Оксфорд, 1765–1769). Развивал идеи о сочетании и равновесии различных элементов и начал смешанной формы государства как наиболее оптимальной для Англии (монархического, аристократического и демократического). В его правовых воззрениях присутствовали элементы естественно-правовой и исторической школ права. По политическим взглядам – умеренный консерватор.

⁶⁸ *Гнейст (Gneist), Генрих Рудольф Герман Фридрих* (1816–1895) – известный немецкий ученый-государствовед, публицист, профессор Берлинского университета. В России стал особенно известен после издания перевода его книги «*Englische Verfassungsgeschichte*» – «История государственных учреждений Англии» (М., 1885). Данная книга немецкого юриста сыграла определенную роль в ознакомлении российской общественности с формой английского государства. См., например: *Мартышин О. В.* Исследования истории государства, права и политической мысли Англии в Советском Союзе // История права: Англия и Россия / Руковод. авт. кол.: В. Нерсесянц, У. Батлер. М., 1990. С. 201, 213.

⁶⁹ *Конт (Comte), Шарль* (1782–1837) – французский ученый-правовед и публицист, автор «Трактата о собственности» («*Traité de la propriété*») в двух томах (Т. 1. Париж, 1834). Выступал против феодальной собственности на землю и в целом критически относился к неограниченным правам частного собственника на землю, считая, что единая просвещенная воля (государства, его главы) должна заботиться о том, чтобы земля и земельная собственность служили процветанию и благосостоянию всего народа, его интересам.

⁷⁰ *Русская Правда* – памятник древнерусского права. «Русская Правда» претерпела многовековую эволюцию. Она известна в четырех основных редакциях: древнейшая

часть краткой редакции (Правда Ярослава Мудрого), краткая редакция (Правда Ярослава и Ярославичей – сыновей Ярослава Мудрого), пространная редакция периода Владимира Мономаха и более поздняя сокращенная редакция. Древнейшая часть «Русской Правды» относится к XI в. (по другим версиям содержит запись правовых обычаев более раннего периода – до VII–VIII вв.). Краткая редакция «Русской Правды» открыта В. Н. Татищевым в 1738 г. Пространная редакция впервые опубликована в 1788 г., а более поздняя – сокращенная – в 1846 г. Краткую и Пространную Правду и о них см., например: Российское законодательство X–XX вв.: В 9 т. / Под общей ред. О. И. Чистякова. Законодательство Древней Руси. Т. 1 / Отв. ред. тома В. Л. Янин. М., 1984. С. 28–132.

⁷¹ Это обстоятельство отмечал и Красовский. Он выделял следующие главные основания казахского суда биев:

«1) только тот суд действителен, который производится в присутствии народа или, по крайней мере, 3-х свидетелей; 2) женский пол и невольники в свидетели не допускаются, и за утайку преступления, совершенного главою семейства, от взыскания освобождаются не только упомянутые лица, но даже сыновья и младшие братья преступника; 3) выбранные судьи, равно и свидетели, должны быть признаны обеими тяжущимися сторонами. Истец или ответчик, не желающий видеть в числе своих судей какое-либо всеми уважаемое лицо, обязан гласно объяснить свои подозрения собравшемуся народу. Тогда названный бий не имеет права голоса на совещания; 4) так как судьи выбраны с общего согласия тяжущихся, то приговор суда считается священным и неповиновение этому приговору равносильно выходу из общества, а дабы придать силу и значение судебским решениям, они приводятся в исполнение в присутствии тех же

свидетелей и по возможности немедленно; 5) ежели одна сторона желает суда, а другая нет, то первая, с согласия призванных биев и своего старейшины, имеет право произвести баранту, которая и после судейских решений допускается в том случае, когда одна сторона перед началом суда выказывала свои подозрения против судей или свидетелей, и если эти подозрения не были приняты во внимание, другими словами, когда суд был произведен неправильно. Наконец, к давно уже отжившим, но главным же основаниям суда присоединялось еще правило 6) чтобы в случаях определения судьями смертной казни преступнику, за сохранение жизни которого родственники не желают или не могут уплатить равносильного смертной казни штрафа и тем выдают обвиненного головою обиженной стороне, – последняя, производя какую бы то ни было казнь, обязана во всяком случае возвратить тело преступника его родственникам в виде неизуродованном каким-нибудь особенным образом. Отсюда, если в Средней орде и была когда производима серьезная казнь, она производилась чрез повешение или удушение... 7) Судья, каково бы ни было состояние тяжущихся и какое бы ни было дело, всегда получал одну и ту же определенную часть с иска, различную только в различных местностях степи. Теперь играет большую роль достаток каждого, и вознаграждение судьи, от куска бязи и барана, доходит до 10 и 20 лошадей, смотря по состоянию тяжущихся и по роду иска.

Высказанные положения лежали в основании древнего судопроизводства, в нынешнем же два предпоследние пункта не имеют вовсе значения, так как пятый дает некоторым образом законное место строго преследуемой нашим законодательством баранте, а шестой не может иметь приложения с тех пор, как дела уголовные решаются на основании общих государственных узаконений.

Что касается 4-х первых основных положений киргизского судоустройства, русское законодательство идет с ними в разлад... Так, например, умышленное сокрытие уголовного преступления наш закон строго не преследует, а киргизский в некоторых случаях допускает; в свидетели для открытия преступления чиновники наши призывают всех без исключения, а по понятиям киргизов женщины вообще, а жены или дети уже в особенности, не могут показывать на своих мужей или отцов, да и на кого бы то ни было; знающий, но скрывающий уголовное преступление, ежели это обнаружилось следствием, по-нашему считается виновным, кто бы он ни был и кого бы ни касались его показания, между тем, киргизы всякого собрата, содержащегося в остроге, положим за сокрытие преступления, совершенного его отцом или вообще старшим родственником, считают не только совершенно правым, но даже хорошим человеком, и донесший на своего родственника как прежде, так и теперь награждается народным презрением» (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Ч. 3. С. 84 и др.).

⁷² На полях против этих слов автор сделал пометку, возможно, предполагая написать примечание или дополнение.

⁷³ «Концепция Валиханова о барымте, – пишет А. Н. Таукелев, – наряду с другими его правовыми идеями явилась значительным вкладом в казахскую историко-правовую мысль, и ученый по праву занимает видное место в истории политико-правовых учений народов России». См.: *Таукелев А. Н. Чокан Валиханов о понятии барымты // Чокан Валиханов и современность: Сб. матер. Всесоюзной науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Ч. Ч. Валиханова. Алма-Ата, 1988. С. 140.*

⁷⁴ *Ямская повинность* – обязанность российских крестьян представлять для государственных нужд (перевозка административных лиц, грузов и т. д.) подводы, лошадей и извозчиков или вместо этого платить ямские деньги, на которые Ямской приказ и воеводы организовывали ямы – почтовые станции. Существовала в XVI – начале XVIII в., была значительным бременем для сельского населения Сибири, в том числе вследствие огромных расстояний.

⁷⁵ *Исправник* – начальник уездной полиции. До 1862 г. избирался дворянством, затем назначался правительством. От слов «исправление», «исправитель».

⁷⁶ *Суннитский раскол* (суннизм) – одно из двух основных направлений в исламе, наряду с шиизмом. Суннизм широко распространен во многих странах, является наиболее многочисленным по числу сторонников направлением в исламе.

⁷⁷ О мусульманском праве см., например: *Баишев Ж.* Основные принципы исламского права, теория доказательства и система наказания. Алматы, 1996.

^{77a} Царское правительство после малоуспешной попытки распространения христианства в степи, стало проводить политику распространения ислама. Однако для этого использовали недостаточно подготовленных татарских мулл и радикальных проповедников из Средней Азии. Ч. Валиханов выступал против такой политики. Он считал необходимым вывести Казахскую степь из подчинения оренбургского муфтията, создать свою религиозную администрацию, назначать муллами представителей коренного населения. Подробнее см.: *Абдильдин Ж., Абдильдина Р.* Чокан Валиханов – великий ученый и мыслитель. Астана: Фолиант, 2015. – 192 с. – С. 111–127.

⁷⁸ *Ишан* – почтенное прозвище суфийского наставника в Средней Азии. О суфизме см., например: *Идрис Шах.*

Суфизм. М., 1994. См. также: Суфии: собрание притч и афоризмов / Сер.: Антология мысли. М.: Изд-во «ЭКСМО-Пресс», 2001.

⁷⁹ *Ходжа* – почетный титул духовных лиц в мусульманстве. В Средней Азии в XIX в. ходжа – человек, претендующий на происхождение от четырех праведных халифов, за исключением потомков Али от браков с дочерьми Мухаммеда – Фатимой и Зейнаб. Ходжа – также член суфийского ордена ходжаган. Ч. Валиханов в данном случае использует этот термин, видимо, в самом общем смысле.

⁸⁰ *Мансуров Мухаммед Шериф* – самозванец, выдававший себя за последнего пророка.

⁸¹ *Мюрид* – послушник, ученик видного мусульманского богослова, безоговорочно подчиняющийся воле наставника, регулярно исповедующийся и кающийся перед ним.

⁸² Очевидно, в данном случае Ч. Ч. Валиханов использует популярное в это время выражение «темное царство», связанное, с одной стороны, с произведением А. Н. Островского «Гроза» (1860), а с другой – с известными критическими статьями Н. А. Добролюбова «Темное царство» (1859) и «Луч света в темном царстве» (1860). О политико-правовых воззрениях Н. А. Добролюбова. См., например: *Скритилев Е. А.* Добролюбов. М., 1988.

⁸³ *Муфтий* – высшее духовное лицо у мусульман-суннитов.

⁸⁴ *Березин, Илья Николаевич* (1818–1896) – известный русский востоковед, автор многочисленных трудов по истории, археологии, географии, филологии стран Востока. Профессор Казанского (1846–1855 гг.) и Петербургского (с 1855 г.) университетов. В частности, автор книг: «Путешествие по Востоку» (2 т., 1849–1852), «Исследование диалектов мусульманских народов» (2 ч., 1848–1853), «Турецкая

хрестоматия» (3 т., 1857–1890) и др. См. также: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. 4. М., 1960. С. 63.

⁸⁵ Очевидно, имеется в виду статья: *Березин И.* Мусульманская религия в отношении к образованности // Отечественные записки. 1855. Т. 98. Вып. 2.

⁸⁶ *Птоломей (Птолемей) Клавдий* (ок. 90 – ок. 160) – выдающийся древнегреческий астроном, географ, математик, оптик, создатель геоцентрической системы мира. Создал математическую теорию движения планет вокруг неподвижной Земли, позволявшую с применением тригонометрии предсказывать их положение на небе. Главный труд – «Великое построение», известный под названием «Альгамест» – энциклопедия древней астрономии. В географических сочинениях указал географические координаты около 8000 пунктов земной поверхности и т. д.

⁸⁷ *Юркевич, Памфил Данилович* (1827–1874) – известный религиозный философ. Окончил Киевскую духовную академию (1851). С 1858 г. – экстраординарный профессор Киевской духовной академии, с 1861 г. и до конца жизни – профессор Московского университета. Читал курсы лекций по истории философии, логике, психологии, педагогике. Был учителем В. С. Соловьева. Основательная критика Юркевичем материализма вызвала резко отрицательное отношение к нему в радикально-демократических и леволиберальных кругах, закрепив за ним репутацию реакционера. По мнению Г. В. Флоровского, Юркевич соединял «логическую точность с мистической пытливостью». См.: О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 280. См. также: *Юркевич П. Д.* Философские произведения. М., 1990; *Зеньковский В. В.* История русской философии. Т. 1. Париж,

1948. С. 319; Лосский Н. О. История русской философии. М., 1994. С. 82–83.

⁸⁸ *Пуританизм* (от позднелатинского *puritas* – чистота) – последователи кальвинизма в Англии в XVI–XVII вв., сторонники углубления реформации, но проводимой сверху, противники абсолютизма и показной роскоши в быту; в обыденной речи пуритане – сторонники строгого образа жизни, строгих нравов.

⁸⁹ *Шамиль* (1797–1871) – третий имам Дагестана и Чечни, вождь освободительной борьбы народов Кавказа против колониализма, развернувшейся под лозунгом газавата – священной войны за веру. Около 25 лет руководил войной против российских войск. После ряда поражений вынужден был сдать в августе 1859 г. Вместе с семьей был сослан в Калугу, где жил до 1870 г., затем отпущен на жительство в Мекку. Умер в 1871 г. в Медине.

⁹⁰ *Гораций* (*Horatius*) – *Квинт Гораций Флакк* (65 до н.э. – 8 до н.э.) – древнеримский поэт, автор сатирических, лирических и философских произведений, в том числе литературного трактата «Наука поэзии». В период гражданской войны, вспыхнувшей в Древнем Риме после убийства Юлия Цезаря, сражался на стороне республиканцев. Начиная с эпохи Возрождения – самый популярный поэт античности. См.: *Гораций // Античная лирика*. М., 1968. С. 370–426. Валиханов имеет в виду воспетую поэтом любовь к юноше Лигурину.

⁹¹ Имеется в виду известный в Средней Азии «Рассказ о Мирзе Хамдаме». См.: Собр. восточных рукописей АН УзССР. Т. 2. 1954. С. 417.

⁹² *Эмир Мир-Хайдар* – бухарский эмир (1799–1826) из династии мангытов – ханов Бухарского эмирата (1753–1920 гг., свергнута в период революции), сын и преемник эмира Шах-Мурада (1785–1799).

⁹³ *Абу-Муслим – Абд ар-Рахман ибн Муслим ал-Марвази* (ок. 727–755) – один из лидеров движения против династии арабских халифов Омейядов (661–750), вождь восстания 747–750 гг. в восточных областях Халифата, в результате которого Омейяды были свергнуты и к власти пришла династия арабских халифов Аббасидов (750–1258), происходящая от Аббаса, дяди Мухаммеда. Подвиги Абу-Муслима, его жизнь отражены в легендах и поэмах, имевших распространение в Средней Азии. Убит по приказу халифа аль-Мансура, который опасался растущего влияния Абу-Муслима.

⁹⁴ «Тело твое, кости мои» (по-казахски: «Ет сенікі, сүйегі менікі») – формула, которая давала муллам право на физическое наказание учеников.

⁹⁵ «Северная пчела» – русская политическая и литературная газета 1825–1864 гг. (Санкт-Петербург), до 1831 г. выходила три раза в неделю, затем – еженедельно. Редакция газеты стояла на последовательно монархических позициях. Прежде крайне консервативная и реакционная программа газеты начала меняться в период реформ Александра II.

⁹⁶ *Бабаджанов, Мухаммед-Салих* (1832–1871) – казахский этнограф, географ, просветитель, член Русского географического общества по отделению этнографии (1861 г.). За заслуги в области этнографии награждался серебряной медалью (1862 г.). О нем см.: *Ивлев Н. П., Масанов Н. Э.* Видный казахский ученый М.-С. Бабаджанов // Вестник АН КазССР. 1982. № 11.

⁹⁷ *Кибиточный сбор* – сбор с переносных жилищ (юрт) кочевых народов; кибитками называли также небольшие глинобитные и саманные (из кирпичей, изготовленных из глины с добавлением соломы и т. п.) дома.

⁹⁸ *Подымная [подать]* – налог, взимаемый в России в XVI–XVIII вв. с крестьянского дыма (дома), хозяйства в пользу местной администрации в России (подымщина).

⁹⁹ *Ясак* – натуральный налог. На севере платился обычно пушниной. В Казахстане – скотом. Так, в «Уставе о сибирских киргизах» устанавливалось, что первые пять лет после его принятия допускаются только добровольные приношения школам, больницам, благотворительным заведениям и султанам как скотом, так и вещами и деньгами. После истечения этого срока вводился сбор ежегодного ясака – «скотом со ста голов одну, с верблюдов ясак не собирается» (§ 135). Предписывалось также «принимая ясак, не делать излишней браковки, лишь бы только рогатый скот был здоров, а лошади годны к употреблению» (§ 141). См.: *Левшин А. И.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. С. 410–411.